

Что такое дарвинизм?

Чарльз Ходж

What is Darwinism?

Charles Hodge

Электронная книга проекта "Гутенберг" Что такое дарвинизм?

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Что такое дарвинизм?

Автор: Чарльз Ходж

Дата выхода: 6 сентября 2006 [Электронная книга №19192]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Мэрилинда Фрейзер-Канлифф, Мартин Петтит и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан с использованием сканов произведений, находящихся в общественном достоянии, из электронных библиотек Мичиганского университета)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ЧТО ТАКОЕ ДАРВИНИЗМ? ***

ЧТО ТАКОЕ ДАРВИНИЗМ?

АВТОР ЧАРЛЬЗ ХОДЖ,

ПРИНСТОН, Нью-Джерси

НЬЮ-ЙОРК:

СКРИБНЕР, АРМСТРОНГ И КОМПАНИЯ.

1874.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1874 году фирмой "Скрибнер, Армстронг и компания" в офисе библиотекаря Конгресса в Вашингтоне.

РИВЕРСАЙД, КЕМБРИДЖ:

СОСТАВЛЕНО По СТЕРЕОТИПУ И НАПЕЧАТАНО

Х. О. ХОУТОНОМ И КОМПАНИЕЙ.

Содержание.

- Важность вопроса
 - Различные теории происхождения Вселенной, особенно растительных и животных организмов.
 - 1. Теория Священного Писания
 - 2. Пантеистическая теория
 - 3. Эпикурейская теория
 - 4. Доктрина Герберта Спенсера
 - 5. Гилозойская теория
 - 6. Небиблейские формы теизма
 - Теория Дарвина
 - Естественный отбор
 - Смысл , в котором Дарвин использует слово " Естественный "
 - Три элемента , или дарвинизм
 - Исключение замысла в природе - основополагающая идея теории Дарвина
 - Доказательство отрицания Дарвином телеологии из его собственных работ
 - Доказательство из изложений его Теории ее признанными Сторонниками.
 - Мистер Рассел Уоллес
 - Профессор Хаксли
 - Dr. Büchner
 - Карл Фогт
 - Проф. Haeckel
 - Strauss
 - Доказательство из возражений, выдвигаемых противниками теории мистера Дарвина.
 - Герцог Аргайлл
 - Агассис
 - Профессор Джанет
 - М. Флоуренс
 - Преподобный Уолтер Митчелл
 - Директор Доусон
 - Отношение дарвинизма к религии
 - Причины антагонизма между наукой и религией
 - Теория эволюции, противоречащая Фактам и Священному Писанию
 - Сэр Уильям Томсон о телеологии
 - Доктор Эйса Грей
 - Дарвинизм равнозначен атеизму
 - Реклама
-

ЧТО ТАКОЕ ДАРВИНИЗМ?

Это вопрос, который требует ответа. В отношении истинных взглядов человека, чьи труды взбудоражили весь мир, научный и религиозный, царят большая путаница и разнообразие мнений. Если человек говорит, что он дарвинист, многие понимают это как признание им себя фактически атеистом; в то время как другие понимают его как утверждение, что он принимает какую-то безвредную форму доктрины эволюции. Это великое зло.

Очевидно, бесполезно обсуждать какую-либо теорию, пока мы не придем к согласию относительно того, что это за теория. Следовательно, возникает вопрос: что такое дарвинизм? должно иметь приоритет при любом обсуждении его достоинств.

Великий факт опыта заключается в том, что Вселенная существует. Величайшая проблема, которая когда-либо давила на человеческий разум, заключается в объяснении ее существования. Каково было ее происхождение? К каким причинам относятся изменения, которые мы наблюдаем вокруг нас? Поскольку мы являемся частью Вселенной, эти вопросы касаются нас самих. Каково происхождение, природа и предназначение человека? Профессор Хаксли прав, говоря: "Вопрос из вопросов для человечества — проблема, лежащая в основе всех остальных и более интересная, чем любая другая, — это установление места, которое человек занимает в природе, и его отношения ко вселенной вещей. Откуда произошла наша раса, каковы пределы нашей власти над природой и власти природы над нами, к какой цели мы стремимся - вот проблемы, которые с неослабевающим интересом встают перед каждым человеком, рожденным в мире".^[1] Мистер Дарвин обязуется ответить на эти вопросы. Он предлагает решение проблемы, которая, таким образом, глубоко касается каждого живущего человека. Следовательно, дарвинизм - это теория Вселенной, по крайней мере, в том, что касается живых организмов на этой земле. В таком случае, возможно, было бы неплохо изложить в нескольких словах другие распространенные теории по этому важному вопросу, чтобы яснее были видны точки соприкосновения и различия между ними и взглядами м-ра Дарвина.

Библейское решение Проблемы Вселенной.

Это решение сформулировано словами одинаково простыми и возвышенными: "В начале сотворил Бог небо и землю". Здесь мы имеем, во-первых, идею Бога. Слово "Бог" имеет в Библии определенное значение. Оно не обозначает абстракцию, простую силу, закон или упорядоченную последовательность. Бог - это дух, и поскольку мы являемся духами, мы знаем из сознания, что Бог есть (1.) Субстанция; (2.) что Он личность; и, следовательно, самосознательный, разумный, добровольный агент. Он может говорить "Я"; мы можем обращаться к Нему "Ты"; мы можем говорить о Нем "Он". Эта идея Бога пронизывает Священные Писания. Она лежит в основе естественной религии. Это заложено в нашем религиозном сознании. По сути, это входит в наше чувство морального долга. Это невыразимо начертано более или менее разборчивыми буквами в сердце каждого человека. Человек, который пытается быть атеистом, пытается освободиться от законов своего бытия. С таким же успехом он мог бы попытаться освободиться от чувства голода или жажды.

Таким образом, Библейский Бог - это Дух, бесконечный, вечный и неизменный в своем существе, мудрости, силе, святости, благодати и истине. Поскольку каждая теория должна начинаться с какого-то постулата, это великий постулат, с которого начинается Библия. Это первый пункт.

Второй момент касается происхождения вселенной. Она не вечна ни с точки зрения материи, ни с точки зрения формы. Она не независима от Бога. Это не эволюция его существа или формы его существования. Он является как внеземным, так и всемогущим. Вселенная обязана своим существованием его воле.

В-третьих, что касается природы вселенной; это не просто явление. Это сущность, имеющая реальное объективное существование, или актуальность. Это подразумевает, что материя - это субстанция, наделенная определенными свойствами, в силу которых она способна действовать и на которую воздействуют. Эти свойства, будучи однородными и постоянными, являются физическими законами, к которым в качестве их непосредственных причин следует относить все явления природы.

В-четвертых, хотя Бог является внеземным, Он, тем не менее, присутствует повсюду. Это присутствие - присутствие не только сущности, но также знания и силы. Он поддерживает все сущее. Он контролирует все физические причины, действуя через них, с ними и без них, как считает нужным. Как мы, в наших ограниченных сферах, можем использовать физические причины для достижения наших целей, так и Бог везде и всегда сотрудничает с ними для осуществления своих бесконечно мудрых и милосердных замыслов.

В-пятых, человек, являясь частью вселенной, согласно Священным Писаниям, является частью земли в том, что касается его тела. Пока что он принадлежит к животному царству. Что касается его души, то он - дитя Бога, который провозглашен Отцом духов всех людей. Бог - это дух, и мы - духи. Следовательно, мы одной природы с Богом. Мы богоподобны; так что, познавая себя, мы познаем Бога. Ни один мужчина, осознающий свою мужественность, не может не знать о своем отношении к Богу как к своему Отцу.

Истинность этой теории мироздания основывается, в первую очередь, на том, насколько это было правильно сформулировано, на непогрешимом авторитете Слова Божьего. Во-вторых, это удовлетворительное решение проблемы, которую необходимо решить,—(1.) Оно объясняет происхождение вселенной. (2) Она объясняет все, что содержится во Вселенной, и дает удовлетворительное объяснение чудесных приспособлений, которыми изобилуют живые организмы, приспособлений этих организаций к внешним по отношению к ним условиям, а также тех положений на будущее, которые при любом другом допущении совершенно необъяснимы. (3.) Это не противоречит ни истине разума, ни фактам опыта.^[2] (4.) Доктрина Священных Писаний объясняет духовную природу человека и удовлетворяет все его духовные потребности. Это дает ему объект обожания, любовь и уверенность. Это раскрывает Существо, на котором заканчивается его нерушимое чувство ответственности. Следовательно, истинность этого учения основывается не только на авторитете Священных Писаний, но и на самом устройстве нашей природы. В Библии мало милосердия к тем, кто ее отвергает. Он объявляет их либо дерационализированными, либо деморализованными, либо и тем и другим.

СНОСКИ:

[1] *Свидетельства места человека в природе.* Лондон, 1864, стр. 57.

[2] Два факта, которые обычно рассматриваются как несовместимые с теизмом, - это существование страданий в мире и наличие неразвитых или бесполезных органов, таких как зубы в челюстях кита и молочные железы на груди человека. Что касается первого возражения, то грех, который является единственным реальным злом, объясняется добровольным отступничеством человека; а что касается неразвитых органов, то они рассматриваются как свидетельства великого плана строения, который можно проследить у различных отрядов животных. Эти неиспользуемые органы, — говорит профессор Джозеф Ле Конте в своей интересной книге о религии и науке, Нью-Йорк, 1874, стр. 54, — рассматривались как ошибки природы, пока не было обнаружено, что использование - не единственная цель замысла. "Благодаря дальнейшему терпеливому изучению природы, - говорит он, - пришло признание другого закона, помимо использования, — закона порядка, лежащего в основе закона использования и обуславливающего его. Организмы, действительно, созданы для использования, но в соответствии с predetermined планом строения, который не должен нарушаться ". Не имеет большого значения, считать ли это объяснение удовлетворительным или нет. Конечно, было бы иррационально отказываться верить в то, что глаз был создан для зрения, потому что мы не можем сказать, почему у человека есть молочные железы. С таким же успехом человек мог бы отказаться признавать, что во всех трудах Платона есть какой-либо смысл, потому что в них есть предложение, которое он не может понять.

Пантеистическая теория.

Это была одна из наиболее широко распространенных и устойчивых форм человеческой мысли по всему этому вопросу. На протяжении тысячелетий это была не только философия, но и религия Индии и, в значительной степени, Китая. Это лежит в основе всех форм греческой философии. Оно проникло в Церковь, скрытое под маской библейской терминологии, в форме неоплатонизма. Оно постоянно появлялось в Средние века, иногда в философской, а иногда и мистической форме. Оно было возрождено Спинозой в семнадцатом веке и впоследствии стало доминирующим в философии и литературе Европы. Это снова всплывает. Некоторые выдающиеся натуралисты метаются от одного полюса к противоположному; от утверждения, что Бога нет, к учению, что все есть Бог. Иногда одна и та же книга в одной половине учит материализму, в другой - идеализму: одна утверждает, что все есть материя, другая - что материя - это ничто, но что все есть разум, а разум - это Бог.

Ведущими принципами пантеистической теории являются: (1.) То, что существует Бесконечное и Абсолютное Бытие. Об этом Бытии нельзя утверждать ничего, кроме действительности. Отрицается, что оно является сознательным, разумным или добровольным. (2.) Оно подчинено слепой необходимости самоэволюции или развития. (3) Поскольку это развитие необходимо, оно является постоянным; от вечного к вечному. Согласно браминской доктрине, действительно, существуют последовательные циклы активности и покоя, каждый цикл измеряется бесчисленными миллиардами веков. Согласно современникам, поскольку самоэволюция необходима, покоя быть не может, так что Ohne Welt kein Gott. (4.) Следовательно, Конечное является формой существования Бесконечного; все, что в настоящее

время находится во втором, находится и в первом. Все возможное актуально. (5.) Конечное - это Бесконечное, или, используя теистический язык, Мир - это Бог, в том смысле, что весь мир есть и содержит форму, в которой Бог существует в каждый последующий момент. Нет никакой силы, кроме только силы, проявленной в мире; нет сознания, разума или добровольной деятельности, кроме как в конечных вещах, и совокупность всего этого есть сила, сознание, разум и активность Бога. То, что мы называем грехом, в такой же степени является формой деятельности Бога, как и то, что мы называем добродетелью. Другими словами, в человеке нет такой вещи, как свобода действий, нет такой вещи, как грех или ответственность. Когда человек умирает, он погружается в бездну бытия, как капля воды теряется в океане. (6.) Человек - высшая форма существования Бога. Бог воплощен в человеческом роде. Штраус говорит, что то, чему Церковь учит о Христе, верно не для какого-либо отдельного человека, но верно для всего человечества. Или, как более кратко выражает это Фейербах, "только человек есть наш Бог". Богохульство некоторых немецких философов по этому поводу просто невыразимо. В Индии мы видим практическое действие этой системы, когда она овладевает людьми. Там олицетворение Бесконечного как зла (богиня Кала) является самым популярным объектом поклонения.

Эпикурейская теория.

Эпикур предполагал существование материи, силы и движения, — Стофф и Крафт. Он считал, что все пространство заполнено молекулами материи, находящимися в состоянии быстрого движения во всех направлениях. Эти молекулы были подвержены действию силы тяжести и наделены свойствами или силами. Одна комбинация молекул дала начало неорганизованной материи, другая - жизни, третья - разуму; и из различных комбинаций, управляемых неразумными физическими законами, возникли все удивительные организмы растений и животных. К этим сочетаниям также следует отнести все явления жизни, инстинкты и интеллект в мире. Эта теория была принята в наши дни большим классом ученых, особенно в Германии. Современные сторонники этой теории неизмеримо превосходят древних эпикурейцев в их знаниях астрономии, ботаники, зоологии и биологии; но в своей теории вселенной и в своем способе объяснения всех явлений жизни и разума они находятся точно на том же уровне. Они не добавили к системе ни одной идеи, которая когда-либо считалась позором человеческой мысли. Бюхнер, Молешотт, Фогт считают, что материя вечна и неразрушима; что материя и сила неразделимы: одно не может существовать без другого. Спрашивается, что такое движение без чего-либо движущегося? Что такое электричество без наэлектризованного тела? Что такое притяжение без молекул, притягивающих друг друга? Что такое способность к сокращению без мышечного волокна или секреция без выделяющей железы? Одна комбинация молекул демонстрирует феномены жизни, другая комбинация демонстрирует феномены разума. Всему этому учил старый языческий философ более двух тысяч лет назад. То, что эта система отрицает существование Бога, разума как мыслящей субстанции, отличной от материи, и возможности сознательного существования человека после смерти, - это не выводы, сделанные противниками, а выводы, открыто признаваемые ее защитниками.

Новая философия Герберта Спенсера.

Мистер Дарвин называет Спенсера нашим "великим философом". Это мыслящий ум новой научной школы. Это придает его мнениям особый интерес, хотя никто, кроме него самого, не несет ответственности за его особые взгляды, за исключением тех случаев, когда другие считают нужным открыто их высказывать. Мистер Спенсер не постулирует ни разум, ни материю. Он начинает с Силы. Сила, однако, сама по себе совершенно непостижима. Все, что мы знаем о нем, это то, что он есть, что он неразрушим и что он постоянен.

Что касается происхождения вселенной, он говорит, что есть три возможных предположения: 1. Что он существует сам по себе. 2d. Что он создан сам по себе. 3d. Что он создан внешним агентством.[3] Все это он рассматривает и отвергает. Первый эквивалентен атеизму, под которым Спенсер понимает доктрину, делающую Пространство, Материю и Силу вечными и являющуюся причинами всех явлений. Это, по его словам, предполагает идею самосуществования, что немыслимо. Вторую теорию он делает эквивалентной пантеизму. "Осаждение пара, - говорит он, - в облако помогает нам сформировать символическую концепцию саморазвивающейся вселенной"; но, добавляет он, "на самом деле постичь самосозидание - значит постичь потенциальное существование, переходящее в реальное в силу какой-то врожденной необходимости, чего мы не можем сделать". (стр. 32). Теистическая теория, говорит он, столь же несостоятельна. "Тот, кто соглашается с тем, что атеистическая гипотеза несостоятельна, поскольку она включает в себя невозможную идею самосуществования, волей-неволей должен признать, что теистическая гипотеза несостоятельна, если она содержит ту же самую невозможную идею". (стр. 38). Таким образом, происхождение вселенной - это факт, который не может быть объяснен. У этого должна была быть причина; и все, что мы знаем, это то, что ее причина непознаваема и непостижима.

Когда мы обращаемся к природе, результат тот же. Все непостижимо. Все, что мы знаем, это то, что существуют определенные видимости, и что там, где есть видимость, должно быть что-то, что появляется. Но что это за нечто, каков ноумен, лежащий в основе феномена, мы не можем знать. В природе мы находим два порядка явлений, или видимостей; один объективный или внешний, другой субъективный в нашем сознании. Есть Эго и не-Эго, субъект и объект. Они не идентичны. "Совершенно невозможно представить, - говорит он, - что наше знание - это знание только о видимостях, не представляя в то же время реальности, проявлениями которой они являются, поскольку видимость без реальности немыслима" (стр. 88). Так далеко мы можем зайти. Существует реальность, которая является причиной явленияномена. Более того, в этом направлении наше невежество глубоко. Он доказывает, что пространство не может быть сущностью, атрибутом, категорией мышления или ничтожеством. То же самое верно для времени, движения, материи, электричества, света, магнетизма и т.д. и т.п. Все они проявляются в явлениях, вызванных неизвестной причиной.

Поскольку вопрос "Что такое материя?" является ключевым, он подробно останавливается на нем в различных частях своих работ. Теория предельных атомов Ньютона; учение Лейбница о монадах; и динамическая теория Босковича, которая делает материю просто центрами силы, - все они отвергаются как немыслимые. Не очень ясно, в каком смысле следует понимать это слово. Иногда это кажется бессмысленным; у других - противоречивым или абсурдным; у третьих - непостижимым, *то есть* тем, о чем не может быть сформировано никакого представления или ментального образа; во всяком случае, это подразумевает то, что

непознаваемо и несостоятельно. В результате, что касается материи, мы ничего о ней не знаем. "Наша концепция материи, - говорит он, - сведенная к ее простейшей форме, - это концепция сосуществующих положений, которые оказывают сопротивление, в отличие от нашей концепции пространства, в котором сосуществующие положения не оказывают никакого сопротивления" (стр. 166). Сопротивление, однако, является формой силы; и, следовательно, на следующей странице Спенсер говорит, "что силы, находящиеся в определенных соотношениях, образуют все содержание нашей идеи материи".

Когда мы переходим от объективного к субъективному, от внешнего мира к внутреннему, результат остается тем же. Он согласен с Юмом, утверждающим, что содержание нашего сознания представляет собой серию впечатлений и идей. Однако он не согласен с этим философом, утверждающим, что эта серия - все, что мы знаем. Он признает, что впечатления обязательно подразумевают наличие чего-то, на что они производят впечатление. Он задает вопрос: "Что это такое, что думает?" и отвечает: "Мы не знаем". (стр. 63). Он признает, что реальность индивидуального разума, убежденность в личном существовании универсальны и, возможно, нерушимы. Тем не менее это убеждение не может оправдать себя доводами разума; более того, разум оказывается отвергающим его. (стр. 65). Дин Мэнсел говорит, что сознание дает нам знание о себе как о субстанции, а не просто о ее различных состояниях. Однако, по его словам, это "абсолютно отрицается законами мышления. Фундаментальным условием всякого сознания, на котором фатально настаивал м-р Мэнсел вместе с сэром Уильямом Гамильтоном и другими, является антитеза субъекта и объекта.... Каково следствие из этой доктрины, имеющее отношение к самосознанию? Ментальный акт, в котором познается самость, подразумевает, как и любой другой ментальный акт, воспринимающего субъекта и воспринимаемый объект. Если, таким образом, воспринимаемый объект - это "я", то что представляет собой субъект, который воспринимает? Или, если это истинное "я", которое мыслит, то о каком другом "я" может быть мысль? Ясно, что истинное познание себя подразумевает состояние, в котором познающий и познаваемое являются одним целым — в котором субъект и объект отождествлены; и это, по мнению Мэнсела, справедливо означает уничтожение того и другого. Таким образом, личность, которую каждый осознает и существование которой для каждого является фактом, превосходящим все остальные, наиболее достоверным, тем не менее, является вещью, которую вообще нельзя познать; знание о ней запрещено самой природой человеческого мышления". (стр. 65, 66).

Мистер Спенсер, по-видимому, не ожидает, что подобный аргумент поколеблет чью-либо убежденность. Когда человек осознает боль, его не следует сбивать с толку, говоря ему, что боль - это одно (воспринимаемый объект), а "я" - совсем другое (воспринимающий субъект). Он знает, что боль - это состояние "я", которое он осознает. Сознание - это форма знания; но знание с необходимостью предполагает разумную реальность, которая знает. Философия, которая не может быть воспринята до тех пор, пока люди не перестанут верить в свое собственное существование, должна быть на пределе.

Вывод м—ра Спенсера состоит в том, что вселенная—природа или внешний мир со всеми его чудесами и постоянными изменениями, мир сознания с его постоянно меняющимися состояниями являются впечатлениями или феноменами, обусловленными непостижимой, постоянной силой.

Что касается природы этой первичной силы или могущества, он обильно и одобрительно цитирует сэра Уильяма Гамильтона и мистера Мэнсела, чтобы доказать, что она непознаваема, непостижима, невысказанная. Он, однако, отличается от этих выдающихся писателей в двух моментах. Признавая, что мы знаем о первопричине не больше, чем о геометрической фигуре, которая является одновременно кругом и квадратом, мы все же знаем, что она реальна. В этом убеждении мы не зависим от веры. Во-вторых, Гамильтон и Мэнсел учили, что мы знаем, что Бесконечное не может быть личностью, обладающей самосознанием, разумом и волей; и все же наша моральная конституция вынуждает нас верить, что это разумная личность. Мистер Спенсер отрицает это. "Пусть те, - говорит он, - кто может, верят, что существует вечная война между нашими интеллектуальными способностями и нашими моральными обязательствами. Я, например, не допускаю такого радикального порока в устройстве вещей" (стр. 108). Религия всегда ошибалась, утверждает он, в том смысле, что, хотя она и учит, что Бесконечное Существо непознаваемо, она настаивает на приписывании ему таких-то атрибутов, что, конечно, предполагает, что до сих пор оно известно. Мы не имеем права, утверждает он, приписывать личность "Неизвестной Реальности" или чему-либо еще, за исключением того, что она является причиной всего, что мы воспринимаем или переживаем. Может существовать способ бытия, настолько превосходящий интеллект и волю, насколько они превосходят механическое движение. Чтобы показать глупость приписывания Неизвестному атрибутов нашего собственного духа, он выдвигает "гротескное предположение, что тиканье и другие механизмы часов представляют собой своего рода сознание; и что часы, обладающие таким сознанием, настаивают на том, чтобы считать действия часовщика подобными их собственным, определяемым пружинами и спусковыми механизмами". (стр. 111). Подавляющее большинство людей, вместо того чтобы согласиться с м-ром Спенсером в этом вопросе, несомненно, искренне, каждый сам за себя, присоединятся к немецкому философу Якоби, заявившему: "Я исповедую антропоморфизм, неотделимый от убеждения, что человек несет в себе образ Божий; и утверждаю, что помимо этого антропоморфизм, который всегда называли теизмом, есть не что иное, как атеизм или фетишизм".[4]

Следовательно, м-р Спенсер, объясняя происхождение вселенной и всех ее явлений, физических, витальных и ментальных, отвергает теизм, или доктрину личного Бога, который является как внеземным, так и потусторонним, создателем и управляющим всеми вещами; он отвергает пантеизм, который превращает конечное в форму существования Бесконечного; он отвергает атеизм, который, как он понимает, является доктриной вечности и самосуществования материи и силы. Он довольствуется тем, что говорит, что мы должны признать реальность неизвестного чего-то, что является причиной всех вещей, ноуменом всех явлений. "Если наука и религия должны быть примирены, основой примирения должен быть этот глубочайший, широчайший и наиболее достоверный из всех фактов — что Сила, которую проявляет вселенная, совершенно непостижима" (стр. 46). "Предельное из предельных - это Сила". "Материя и движение, какими мы их знаем, являются по-разному обусловленными проявлениями силы". "Если, используя алгебраическую иллюстрацию, мы представим Материю, Движение и Силу символами x , y , z ; тогда мы можем установить значения x и y в терминах z , но значение z никогда не может быть найдено; z - неизвестная величина, которая навсегда должна оставаться неизвестной по очевидной причине, что нет ничего, в чем можно было бы выразить ее значение". (стр. 169, 170).

Итак, у нас нет Бога, кроме Силы. Атеист повсюду рассматривается как термин, означающий порицание. Каждый человек инстинктивно отшатывается от него. Даже философы времен

Французской революции отвергли обвинение в атеизме, потому что они верили в движение; а поскольку движение непостижимо, они верили в нечто непостижимое, *то есть* в Силу. Мы не сомневаемся, что мистер Спенсер с негодованием отверг бы обвинение в атеизме; тем не менее, по мнению большинства людей, разница между антитеистом и атеистом - это просто вопрос орфографии.

СНОСКИ:

[3] *Первые принципы новой философской системы*. Герберт Спенсер. Второе издание. Нью-Йорк, 1869, стр. 30.

[4] *Von den göttlichen Dingen, Werke*, III. pp. 422, 425. Leipzig, 1816.

Гилозойская теория.

Эта теория предполагает, что вселенная вечна. В ней нет ничего сверхъестественного. Есть только одна субстанция, и эта субстанция - материя. Материя, однако, обладает активным и пассивным началом. Жизнь и рациональность входят в число ее атрибутов или функций. Следовательно, Вселенная представляет собой живое целое, пронизанное принципом не только жизни, но и разума. Эту гилозойскую доктрину, похоже, склонны принять некоторые современные ученые, такие как профессор Тиндалл. Они говорят нам, что материя - это не мертвая и деградировавшая вещь, какой ее обычно считают. Оно активно и трансцендентно. Что это значит, мы не знаем. Слово "трансцендентный" подобно параболе, поскольку неизвестно, где заканчивается его значение. Утверждать, что материя трансцендентальна, значит утверждать, что невозможно сказать, что она собой представляет. Эта привычка использовать слова, не имеющие определенного значения, очень удобна для писателей, но совершенно противоположна для читателей. Некоторые древние стоики проводили различие между активным и пассивным принципами в мире, называя одно разумом, другое - материей. Однако они были так же тесно связаны, как материя и жизнь в растении или животном.

Теизм в небиблейских формах.

Есть люди, которые вынуждены признавать бытие Бога, которые отступают от библейского учения о его отношении к миру. Согласно некоторым, Бог создал материю и наделил ее определенными свойствами, а затем предоставил ей самой добиваться, без какого-либо вмешательства или контроля с его стороны, всех возможных результатов. Согласно другим, Он создал не только материю, но и жизнь, или живые зародыши, один или несколько, из которых без какого-либо божественного вмешательства развились все живые организмы. Другие, опять же, относят не только материю и жизнь, но и разум к действию Творца; но с сотворением мира его свобода действий прекращается. Он имеет к миру не больше отношения, чем кораблестроитель к построенному им кораблю, когда он спущен на воду и уносится далеко в океан. Согласно всем этим взглядам, творец - это всего лишь *Бог из машины*, предположение, объясняющее происхождение вселенной.

Другой общий взгляд на отношение Бога к миру впадает в противоположную крайность. Вместо того, чтобы Бог ничего не делал, Он делает все. Вторые причины неэффективны. Говорят, что законы природы являются единообразными способами божественного действия. Гравитация не вытекает из природы материи, но является способом единообразной эффективности Бога. То, что называется химическим сродством, не связано ни с чем в различных видах материи, но Бог всегда действует одним образом в отношении кислоты и другим образом в отношении щелочи. Если человек кладет частицу соли или сахара себе на язык, ощущение, которое он испытывает, следует относить не к соли или сахару, а к воле Божьей. Когда эта теория расширяется, как это обычно делается ее сторонниками, от внешнего мира к внутреннему, вселенная материи и разума со всеми их явлениями становится постоянным результатом вездесущей деятельности Бога. Умы некоторых людей, как отмечалось выше, устроены так, что они могут перейти от теории о том, что Бог ничего не делает, к доктрине о том, что Он делает все, не видя разницы. Мистер Рассел Уоллес, сподвижник и ровесник мистера Дарвина, посвящает большую часть своей книги "Естественному отбору" доказательству того, что органы растений и животных формируются в результате слепых физических причин. Ближе к концу книги он учит, что таких причин нет. Он задает вопрос: "Что такое материя?" и отвечает: "Ничто". Мы не знаем, говорит он, ничего, кроме силы; и поскольку единственная сила, о которой у нас есть какие-либо непосредственные знания, - это сила разума, напрашивается вывод, "что вся вселенная не просто зависит от воли высших разумных существ, но фактически *является* таковой".^[5] Это переход от виртуального материализма к идеалистическому пантеизму. Эффект этого признания со стороны мистера Уоллеса для теории естественного отбора подобен тому, каким был бы взрыв ее котла для парохода посреди океана, который взорвал бы его палубу, борта и днище. Над водой ничего бы не осталось.

Герцог Аргайлл, кажется, временами склонен придерживаться той же доктрины. "Наука, - говорит он, - в современной доктрине сохранения энергии и обратимости сил уже твердо усвоила идею о том, что все виды силы являются всего лишь формами проявления одной центральной силы, исходящей из какого-то одного источника энергии. Сэр Джон Гершель, не колеблясь, сказал: "Что разумно рассматривать силу тяготения как прямой или косвенный результат существующего где-либо сознания или воли". И даже если мы не можем определенно отождествлять силу во всех ее формах с прямыми энергиями единой Вездесущей и Всепроникающей Воли, по крайней мере, в высшей степени нефилософски утверждать обратное — думать или говорить, как будто силы природы либо независимы, либо даже отделены от силы Творца".^[6] Герцог, однако, в общем плане своей книги не отличается от общепринятой доктрины, за исключением одного пункта. Он не отрицает действенности физических причин и не сводит их все к действенности Бога; но он учит, что Бог, по крайней мере в этом мире, никогда не действует иначе, как через эти причины. Он применяет это учение даже к чудесам, которые он рассматривает как следствия, вызванные второстепенными причинами, о которых мы ничего не знаем, то есть каким-то высшим законом природы. Священные Писания, однако, учат, что Бог не связан таким образом; что Он действует через второстепенные причины, с ними или без них, как Он считает нужным. Это чисто произвольное предположение, что, когда Христос воскрешал мертвых, исцелял прокаженных или даровал зрение слепым, какая-то вторая причина вмешивалась между действием и действенностью его воли. Какой физический закон или равномерно действующая сила заставила топор взмыть в воздух по приказу пророка? или, в этом величайшем из всех чудес, первоначальном сотворении мира.

СНОСКИ:

[5] *Теория естественного отбора*. Альфред Рассел Уоллес. Лондон, 1870, стр. 368.

[6] *Верховенство закона*. Герцог Аргайл. Пятое издание, Лондон, 1867, стр. 123.

Теория мистера Дарвина.

Мы не забыли мистера Дарвина. Казалось желательным, чтобы понять его теорию, увидеть ее связь с другими теориями вселенной и ее явлений, с которыми она более или менее связана. Его работа о "Происхождении видов" не претендует на философский характер. В этом аспекте она сильно отличается от родственных работ мистера Спенсера. Дарвин не рассуждает о происхождении Вселенной, о природе материи или силы. Он просто натуралист, внимательный и кропотливый наблюдатель; искусен в своих описаниях и необычайно откровенен в преодолении трудностей, стоящих на пути его своеобразной доктрины. Он поставил перед собой единственную проблему, а именно: как объяснить фауну и флору нашей земли? При решении этой проблемы он предполагает:—

1. Существование материи, хотя он мало говорит на эту тему. Однако ее существование как реальной сущности повсеместно считается само собой разумеющимся.
2. Он предполагает действенность физических причин, не проявляя склонности сводить их к силе разума или к действенности Первопричины.
3. Он также допускает существование жизни в форме одного или нескольких первичных зародышей. Он не принимает теорию самопроизвольного зарождения. Что такое жизнь, он не пытается объяснить дальше, чем с одобрением процитировать (стр. 326) определение Герберта Спенсера, который говорит: "Жизнь зависит от непрерывного действия и противодействия различных сил или состоит в них", — которое не передает никакой определенной идеи.
4. Чтобы объяснить существование материи и жизни, мистер Дарвин признает существование Творца. Это делается явно и неоднократно. Однако о природе Творца и его отношении к миру ничего не говорится дальше, чем подразумевается в значении этого слова.
5. От первичного зародыша или микробов (мистер Дарвин, по-видимому, остановился на допущении существования только одного первичного зародыша) произошли все живые организмы, растительные и животные, включая человека, на нашем земном шаре, на всех этапах его истории.
6. Поскольку рост, организация и размножение являются функциями физической жизни, как только первичный зародыш начал жить, он начал расти, формировать органы, какими бы простыми они ни были, для своего питания и увеличения, а также для воспроизводства, некоторым образом, живых форм, подобных ему самому. То, что все живые существа на земле, включая бесконечное разнообразие растений и все разнообразие животных — насекомых, рыб, птиц, ихтиозавра, мастодонта, мамонта и человека, — произошли от первичной животной формы, по его мнению, может быть объяснено действием следующих законов природы, а именно:—

Во-первых, закон наследственности, или тот, по которому подобное порождает подобное. Потомство похоже на родителя.

Во-вторых, закон вариации, то есть, хотя потомство по всем существенным признакам подобно своему непосредственному прародителю, оно, тем не менее, в более или менее узких пределах отличается от своего родителя и друг от друга. Некоторые из этих вариаций безразличны, некоторые ухудшаются, некоторые улучшаются, то есть они таковы, что позволяют растению или животному выполнять свои функции с большей пользой.

В-третьих, закон перепроизводства. Все растения и животные имеют тенденцию к увеличению в геометрической прогрессии; и, следовательно, имеют тенденцию к чрезмерному перерасходу средств к существованию. Если бы все семена растения, вся икра рыбы достигли зрелости, то за очень короткое время мир не смог бы вместить их. Отсюда неизбежно возникает борьба за жизнь. Возможно, лишь немногие из мириад рожденных смогут выжить.

В-четвертых, здесь вступает в действие закон естественного отбора, или Выживания наиболее приспособленных. То есть, если у какой-либо особи данного вида растений или животных окажется небольшое отклонение от нормального типа, благоприятствующее ее успеху в борьбе за жизнь, она выживет. Эта вариация, по закону наследственности, будет передана своему потомству, а от него снова своему. Вскоре эти привилегированные получают господство, а менее привилегированные погибают; и модификация закрепляется в виде. Через некоторое время происходят еще и еще такие благоприятные вариации с аналогичными результатами. Таким образом, очень постепенно происходят большие изменения в структуре, и образуются не только виды, но и роды, семейства и отряды в растительном и животном мире. М-р Дарвин говорит, что он не может установить предел изменениям структуры, привычек, инстинктов и интеллекта, которые эти простые законы в течение миллионов или миллиарды веков могут вызвать к существованию. Он говорит: "Мы не можем понять, что на самом деле означают цифры 60 000 000, и в течение этого или, возможно, более длительного периода лет суша и воды повсюду кишели живыми существами, все они были подвержены борьбе за жизнь и претерпевали изменения". (стр. 354). "Мистер Кролл, - говорит он нам, - оценивает, что с кембрийского периода прошло около шестидесяти миллионов лет, но это, судя по небольшому количеству органических изменений с начала ледникового периода, кажется, очень короткий срок для многих и великих мутаций жизни, которые произошли в течение многих лет". несомненно, произошли со времени кембрийского образования; и предыдущие сто сорок миллионов лет вряд ли можно считать достаточными для развития разнообразных форм жизни, которые, несомненно, существовали к концу кембрийского периода". (стр. 379). Годы в этой связи не имеют значения. С таким же успехом мы могли бы попытаться указать расстояние до неподвижных звезд в дюймах. Как астрономы обязаны принимать диаметр земной орбиты за единицу пространства, так и дарвинисты обязаны принимать геологический цикл за единицу продолжительности.

Естественный отбор.

Поскольку Естественный отбор, который действует так медленно, является основным элементом теории мистера Дарвина, необходимо четко понимать, что он под этим подразумевает. На этот счет он не оставляет нам места для сомнений. На стр. 92 он говорит: "Это сохранение

благоприятных вариаций и уничтожение вредных вариаций я называю Естественным отбором, или Выживанием наиболее приспособленных". "Вследствие борьбы (за жизнь) вариации, какими бы незначительными и по какой бы причине они ни происходили, если они в какой-либо степени выгодны особям вида в их бесконечно сложных отношениях с другими органическими существами и с их физическими условиями жизни, будут способствовать сохранению таких особей и, как правило, будут наследоваться их потомством. Таким образом, у потомства также будет больше шансов выжить, поскольку из множества периодически рождающихся особей любого вида выжить может лишь небольшое число. Я назвал этот принцип, благодаря которому каждая незначительная вариация, если она полезна, сохраняется, термином Естественный отбор, чтобы обозначить его связь со способностью человека к отбору. Но выражение, часто используемое г-ном Гербертом Спенсером по поводу теста на выживаемость, является более точным, а иногда и столь же удобным". (стр. 72). "Каким бы медленным ни был прогресс отбора, если слабый человек может так много добиться с помощью искусственного отбора, я не вижу предела количеству изменений, красоте и бесконечной сложности совместной адаптации между всеми органическими существами, друг с другом и с их физическими условиями жизни, которые могут быть достигнуты с течением времени силой естественного отбора или выживанием наиболее приспособленных". (стр. 125). "Могут возразить, что если органические существа таким образом стремятся подняться по шкале, то как же получается, что во всем мире все еще существует множество низших форм; и как получается, что в каждом большом классе некоторые формы гораздо более развиты, чем другие?... Согласно нашей теории, непрерывное существование низших форм не представляет трудностей; поскольку естественный отбор, или выживание наиболее приспособленных, не обязательно включает прогрессивное развитие, он лишь использует преимущества таких вариаций, которые возникают и выгодны каждому существу в его сложных жизненных отношениях.... Геология говорит нам, что некоторые из низших форм, инфузории и ризоподии, в течение огромного периода времени оставались почти в своем нынешнем состоянии". (стр. 145). "Тот факт, что со времен ледникового периода произошли незначительные изменения или их вообще не было, был бы полезен для тех, кто верит во врожденный и необходимый закон развития, но бессилен против доктрины естественного отбора или выживания наиболее приспособленных, которая подразумевает только, что вариации или индивидуальные различия благоприятной природы время от времени возникают у нескольких видов и затем сохраняются". (стр. 149)

Этот процесс совершенствования по закону естественного отбора включает в себя изменения не только в органической структуре животных, но и в их инстинктах и интеллекте. Переходя к этой части своего предмета, м-р Дарвин говорит: "Я бы предположил, что я не имею никакого отношения к происхождению первичных умственных способностей, так же как и к происхождению самой жизни. Нас интересуют только различия инстинктов и других психических качеств внутри одного и того же класса" (стр. 255). Он показывает, что даже в естественном состоянии инстинкты животных одного и того же вида в некоторой степени различаются и что они передаются по наследству. Мاستиф придавал смелости борзой, а борзая передала пастушьей собаке склонность охотиться на зайцев. Среди спортивных собак известно, что детеныши пойнтера или ретривера указывают на цель или извлекают добычу без инструкции. "Если, - говорит он, - можно показать, что инстинкты действительно изменяются так мало, тогда я не вижу никаких трудностей в том, чтобы естественный отбор сохранял и постоянно накапливал вариации инстинкта в любой степени, которая была бы выгодна. Именно так, как я полагаю, возникли все самые сложные и замечательные инстинкты". (стр. 257) Он был

довольно неосторожен, сказав, что не видит никаких трудностей в объяснении самых замечательных инстинктов животных. Он признает, что столкнулся с очень большими трудностями. Он выбирает три случая, с которыми ему было особенно трудно справиться: случай кукушки, случай пчелы, строящей ячейки, и случай муравья, делающего рабов. Он уделяет много места и труда, пытаясь показать, как постепенно *мог* быть приобретен инстинкт пчелы, например, при постройке своей ячейки. Ясно, однако, что он не смог полностью удовлетворить даже свой собственный разум; ибо он признает, что "подумают, что я чрезмерно верю в принцип естественного отбора, если я не признаю, что такие замечательные и хорошо установленные факты не опровергают теорию". (стр. 290) Это замечание было сделано со специальной ссылкой на инстинкты муравья, которые, по его мнению, очень трудно объяснить. Он добавляет: "Без сомнения, теории естественного отбора можно было бы противопоставить многие инстинкты, имеющие очень трудное объяснение: случаи, в которых мы не можем понять, как мог возникнуть инстинкт; случаи, в которых, как известно, не существует промежуточных градаций; случаи инстинктов такой незначительной важности, что на них едва ли мог воздействовать естественный отбор; случаи инстинктов, почти идентичных тем, у животных, столь удаленных в масштабе природы, что мы не можем объяснить их сходство наследованием от общего предка и, следовательно, не можем поверить, что они были независимо приобретены в результате естественного отбора. Я не буду здесь вдаваться в подробности этих случаев, а ограничусь одной особой трудностью, которая сначала показалась мне непреодолимой и фактически фатальной для всей теории. Я имею в виду бесполой, или стерильных самок в сообществах насекомых; поскольку эти бесполое часто сильно отличаются по инстинктам и строению как от самцов, так и от фертильных самок, и все же, будучи стерильными, они не могут продолжать свой род". (стр. 289) В заключение он достаточно откровенен, чтобы сказать: "Я не претендую на то, что факты, приведенные в этой главе (об инстинкте), в какой-либо значительной степени укрепляют мою теорию; но ни один из трудных случаев, насколько я могу судить, не опровергает ее". (стр. 297) Если вспомнить, что его теория заключается в том, что незначительные вариации, происходящие у особи, выгодные для нее (а не для ее партнеров) в борьбе за жизнь, передаются по наследству, то неудивительно, что случай со стерильными муравьями доставил ему столько хлопот. Случайное бесплодие неблагоприятно для индивида, и о том, чтобы сделать его постоянным по наследству, не может быть и речи, поскольку у бесплодных нет потомков. Тем не менее, эти стерильные самки не являются дегенератами, они в целом крупнее и выносливее своих собратьев.

Таким образом, мы увидели, что, согласно м-ру Дарвину, все бесконечное разнообразие строения растений и животных обусловлено законом естественного отбора. "Исходя из принципа естественного отбора с дивергенцией признаков, - говорит он, - не кажется невероятным, что из какой-то такой низкой и промежуточной формы развились как животные, так и растения, и если мы признаем это, мы должны также признать, что все организованные существа, которые когда-либо жили на этой земле, могут произойти от какой-то одной первичной формы". (стр. 573) Мы видели также, что он не ограничивает свою теорию органической структурой, но применяет ее ко всем инстинктам и всем формам интеллекта, проявляемым иррациональными существами. Он не останавливается на достигнутом; он включает человека в сферу действия того же закона. "В отдаленном будущем я вижу открытые поля для гораздо более важных исследований. Психология будет базироваться на новом фундаменте, а именно на *необходимом* приобретении каждой умственной способности в

соответствии с градацией. Будет пролит свет на происхождение человека и его историю". (стр. 577)

"Далекое будущее" было совсем близко. Во введении к своей работе "Происхождение человека", - говорит он, - он решил не публиковать статьи на эту тему, "поскольку я думал, что таким образом только усилю предубеждения против своих взглядов. Мне показалось достаточным указать в первом издании моего "Происхождения видов", что эта работа "прольет свет на происхождение человека и его историю"; а это подразумевает, что человек должен быть включен в число других органических существ при любом общем заключении, касающемся способа его появления на этой земле. Теперь дело приобретает совершенно иной аспект. Когда такой натуралист, как Карл Фогт (далее мы увидим, что он за свидетель), отваживается сказать в своем обращении в качестве президента Национального института Женева (1869 г.): "Люди в Европе всегда одни и те же, никто плюс сутенер за создание независимого и самого совершенного мира", — очевидно, что по крайней мере большое число натуралистов должны признать, что виды являются модифицированными потомками других видов; и это особенно справедливо для молодых и подающих надежды натуралистов.... К сожалению, многие из старейших и заслуженных деятелей естествознания все еще выступают против эволюции во всех ее формах". Карл Фогт так бы не написал. Для него нет чести ни одному человеку, который согласен с ним, и любого человека, который верит в Бога, он проклинаяет.

В 1871 году мистер Дарвин отважился на публикацию своего труда "Происхождение человека". В этой работе он пытается показать, что ближайшим прародителем человека является обезьяна. Он говорит, что "разница в строении между ними меньше, чем между самими высшими и низшими формами обезьян". И не только это, но он пытается показать, что умственные способности человека являются производными от уровня интеллекта, которым обладают низшие животные, путем незначительных изменений, продолжающихся долгое время. Он даже говорит, что разница в интеллекте между человеком и высшими млекопитающими меньше, чем между интеллектом муравья и *соссис*, насекомых того же класса.^[7]

Подобным образом он учит, что нравственная природа человека постепенно эволюционировала из социальных инстинктов, общих для многих животных. (стр. 68, 94) Моральный элемент, полученный таким образом, признает он, может привести к совершенно иным линиям поведения. "Если бы мужчины, - говорит он, - воспитывались в тех же условиях, что и ульевые пчелы, вряд ли можно было бы сомневаться, что наши незамужние самки, подобно рабочим пчелам, считали бы священным долгом убивать всех своих братьев, а матери стремились бы убить своих фертильных дочерей; и никому бы не пришло в голову вмешиваться. (том i, стр. 70)

"Низшие животные, особенно собака, проявляют любовь, благоговение, верность и послушание; и именно из этих элементов медленно развилось религиозное чувство в человеке в процессе естественного отбора". (том i, стр. 65)

Главный вывод таков: "человек (тело, душа и дух) произошел от волосатого четвероногого, снабженного хвостом и заостренными ушами, вероятно, древесного по своим привычкам, и обитателя Старого Света". (том ii, стр. 372) Г-н Дарвин добавляет: "Тот, кто осуждает эти взгляды (как нерелигиозные), обязан объяснить, почему более нерелигиозно объяснять происхождение человека как отдельного вида происхождением от какой-либо низшей формы с помощью

законов вариации и естественного отбора, чем объяснять рождение индивида с помощью законов обычного воспроизводства". (том ii. стр. 378)

СНОСКА:

[7] *Происхождение человека* и др. Чарльз Дарвин, магистр медицины, Ф. Р. С. и др. Нью-Йорк, 1871, том i, стр. 179.

Смысл, в котором мистер Дарвин использует слово "Естественный".

Мы еще не добрались до сути теории мистера Дарвина. Основная идея его системы заключается в слове "естественный". Он использует это слово в двух смыслах: во-первых, как противоположность слову "искусственный". Люди могут производить очень заметные разновидности животных по строению и повадкам. Примером этого является выведение различных пород лошадей, крупного рогатого скота, овец и собак; и особенно, как, по-видимому, думает м-р Дарвин, в случае с голубями. По его словам, "Разнообразие пород - это нечто поразительное". У одних длинный, а у других очень короткий клюв; у одних большие лапы, у других маленькие; у одних длинная шея, у других длинные крылья и хвосты, в то время как у третьих необычайно короткие хвосты; у некоторых тридцать, и даже сорок рулевых перьев вместо обычного количества в двенадцать или четырнадцать. Они различаются как инстинктами, так и формой. Некоторые из них носильщики, некоторые дутыши, некоторые акробаты, некоторые трубачи; и все же все они являются потомками скального голубя, который все еще существует. Если, таким образом, утверждает он, человек за сравнительно короткое время путем искусственного отбора произвел все эти разновидности, чего можно было бы достичь в безграничных масштабах природы в течение неизмеримых эпох геологических периодов.

Во-вторых, он использует слово "естественный" как противоположность слову "сверхъестественный". Естественный отбор - это отбор, осуществляемый по естественным законам, действующий без намерения и замысла. Следовательно, он противостоит не только искусственному отбору, который производится мудростью и умением человека для достижения заданной цели, но и сверхъестественному отбору, который означает либо отбор, изначально задуманный силой, более высокой, чем природа, либо осуществляемый такой силой. Используя выражение "Естественный отбор", мистер Дарвин намеревается исключить замысел, или конечные причины. Все изменения в структуре, инстинктах или интеллекте растений или животных, включая человека, произошедшие от первичного зародыша, или животной клетки, были вызваны неразумными физическими причинами. В этом пункте он не оставляет у нас сомнений. Он определяет природу как "совокупное действие и продукт естественных законов; а законы - это последовательность событий, установленная нами". Было высказано возражение, что он часто использует телеологический язык, говоря о цели, интенции, изобретательности, адаптации и т.д. В ответ на это возражение он говорит: "Было сказано, что я говорю о естественном отборе как о силе или божестве; но кто возражает против автора, говорящего о притяжении как управляющем движением планеты?" Он признает, что в буквальном смысле

этих слов естественный отбор - ложный термин; но "кто когда-либо возражал химикам, говоря об избирательном сродстве различных элементов?—и все же нельзя строго сказать, что кислота выбирает основание, с которым она предпочтительно сочетается". (стр. 93) Здесь мы имеем утверждение и отрицание. Утверждается, что естественный отбор - это действие естественных законов, аналогичных действию гравитации и химического сродства. Отрицается, что это процесс, изначально разработанный или направляемый разумом, такой как деятельность, которая предвидит цель и сознательно выбирает средства ее достижения и контролирует их. Таким образом, искусственный отбор - это разумный процесс, естественный - нет.

В животном и растительном мире существуют бесчисленные примеры, по крайней мере, кажущихся изобретательными, которые вызвали восхищение людей во все века. Существует три способа их учета. Первая - это доктрина Священных Писаний, а именно, что Бог есть Дух, личный, самосознательный, разумный агент; что Он бесконечен, вечен и неизменен в своем существе и совершенствах; что Он всегда присутствует; что это присутствие - присутствие знания и силы. Во внешнем мире всегда и везде есть неоспоримые свидетельства действия двух видов силы: одной физической, другой ментальной. Физическое принадлежит материи и обусловлено свойствами, которыми оно было наделено; другое - это повсюду присутствующий и вечно действующий разум Бога. К последнему следует отнести все проявления замысла в природе и порядок событий в Провидении. Эта доктрина не игнорирует действенность вторых причин; она просто утверждает, что Бог управляет ими. Так, псалмопевец говорит: "Я сотворен страшно и чудесно.... Моя сущность не была сокрыта от тебя, когда я был создан в тайне и причудливо выкован (или вышит) в нижних частях земли. Твои глаза видели, что моя сущность все еще несовершенна; и в твоей книге были записаны все мои члены, которые со временем были сформированы, когда еще не было ни одного из них". "Тот, кто создал глаз, разве Он не увидит? Тот, кто создал ухо, разве Он не услышит? "Бог дает расти траве и травам для детей человеческих". Он посылает дождь, иней и снег. Он управляет ветрами и волнами. Он определяет бросание жребия, полет стрелы и падение воробья. Этот всеобщий и постоянный контроль Бога является не только одной из наиболее очевидных и всепроникающих доктрин Библии, но и одним из фундаментальных принципов даже естественной религии.

Второй метод объяснения изобретений в природе признает, что они были предвидены и задуманы Богом, и что Он наделил материю силами, которые, по Его предвидению, должны были привести к таким результатам. Но здесь его свобода действий прекращается. Он никогда не вмешивается, чтобы руководить действием физических причин. Он ничего не делает, чтобы контролировать ход природы или исторические события. Относительно этой теории можно сказать, (1) Что она совершенно несовместима со Священными Писаниями. (2.) Это не отвечает религиозным и моральным потребностям нашей природы. Это делает молитву иррациональной и неэффективной. Это делает тщетным обращение человека к Богу за помощью в любой чрезвычайной ситуации. (3.) Это противоречит очевидным фактам. Мы видим вокруг себя бесчисленные свидетельства постоянной деятельности разума. Это свидетельство разума и его действий, согласно лорду Броэму и доктору Уэвеллу, гораздо более очевидно, чем свидетельство существования материи и ее сил. Если и следует отрицать то или иное, то скорее последнее, чем первое. Пейли действительно говорит, что если конструкция часов является неоспоримым доказательством замысла, то было бы еще более замечательным проявлением мастерства, если бы часы можно было изготовить для производства других часов; и, можно добавить, не только других часов, но и всех видов часовых механизмов в бесконечном

разнообразии. Итак, был задан вопрос: если человек может создать телескоп, почему Бог не может создать телескоп, который производит себе подобных? Это просто вопрос, можно ли заставить материю выполнять работу разума? Эта идея заключает в себе противоречие. Для изготовления телескопа предполагается, что он выбирает медь и цинк в должных пропорциях и плавит их в латунь; изготавливает из этой латуни промежуточные трубки; собирает и комбинирует необходимые материалы для различных видов необходимого стекла; плавит их, шлифует, формирует и полирует; регулирует их плотность и фокусные расстояния и т.д., и т.п. Человек, который может поверить, что латунь способна на все это, мог бы с таким же успехом верить в Бога. Самые легковверные люди в мире - неверующие. Великий Наполеон не мог верить в Провидение, но он верил в свою звезду, в счастливые и несчастные дни.

Это изгнание Бога из мира просто невыносимо и, да будет благословенно его имя, невозможно. Отсутствующий Бог, который ничего не делает, для нас не Бог. Христос постоянно приближает Бога к нам. Он сказал своим ученикам: "Взгляните на воронов, ибо они не сеют и не жнут; у них нет ни склада, ни амбара; и Бог кормит их; насколько вы лучше птиц. И кто из вас, поразмыслив, может прибавить к своему росту один локоть? Посмотрите на лилии, как они растут; они не трудятся и не прядут; и все же я говорю вам, что Соломон во всей своей славе не был одет так, как ни одна из них. Итак, если Бог так одевает траву, которая сегодня на поле, а завтра будет брошена в печь, то насколько лучше Он оденет вас, о маловерные". "И не ищите, что вам есть или что вам пить, и не будьте в сомнении. Ибо всего этого ищут народы мира; и ваш Отец знает, что вы нуждаетесь в этих вещах". Можно сказать, что Христос не учил науке. Верно, но Он учил истине; а так называемая наука, когда она вступает в конфликт с истиной, - это то, чем является человек, когда он вступает в конфликт с Богом.

Сторонники этих крайних взглядов протестуют против того, что их считают нерелигиозными. Герберт Спенсер говорит, что его доктрина о непостижимой, неразумной, неизвестной силе как причине всех вещей является гораздо более религиозной доктриной, чем доктрина о личностном, разумном и добровольном Существо, обладающем бесконечной силой и добротой. Мэтью Арнольд считает, что бессознательная "сила, творящая добро", является более высокой идеей Бога, чем библейский Иегова. Христос говорит, что Бог есть Дух. Гольбах считал, что он значительно продвинулся в этом определении, когда сказал, что Бог есть движение.

Третий метод объяснения приспособлений, проявляющихся в органах растений и животных, заключается в том, что он относит их к слепому действию естественных причин. Они возникают не из-за постоянного сотрудничества и контроля божественного разума и не из-за изначальной цели Бога в устройстве вселенной. Это доктрина материалистов, и, к сожалению, мы вынуждены констатировать, что мистер Дарвин, хотя сам и был теистом, отказался от этой доктрины. Именно по этой причине материалисты почти обожествляют его.

Из сказанного следует, что дарвинизм включает в себя три различных элемента. Во-первых, эволюция; или предположение, что все органические формы, растительные и животные, развились из одного или нескольких первичных живых зародышей; во-вторых, что эта эволюция была осуществлена естественным отбором, или выживанием наиболее приспособленных; и в-третьих, и это, безусловно, самый важный и единственный отличительный элемент его теории, что этот естественный отбор не имеет цели и проводится по неразумным физическим причинам. Ни первый, ни второй из этих элементов не составляют дарвинизма, равно как и оба вместе

взятых. Что касается первого, а именно эволюции, то сам мистер Дарвин в историческом очерке, предваряющем пятое издание его "Происхождения видов", говорит, что Ламарк в 1811 году и более подробно в 1815 году "учил, что все виды, включая человека, произошли от других видов". Он ссылается на шесть или восемь других ученых, которые проповедуют ту же доктрину. Эта идея эволюции была широко представлена и развита в "Следах творения", впервые опубликованных в 1844 году. Ульриси, профессор Университета Галле, Германия, в своей работе "Понимание природы" говорит, что доктрина эволюции не завладела умами ученых, но была положительно отвергнута самыми выдающимися физиологами, среди которых он упоминает Й. Мюллера, К. Вагнера, Бишоффа, Гофмана и других.^[8] Преподобный Джордж Хенслоу, преподаватель ботаники в больнице Святого Варфоломея в Лондоне, сам ярко выраженный эволюционист, говорит, что теории Ламарка и "Остатков творения" уступили место теориям м-ра Дарвина; "и даже в принятии его нет недостатка во многих симптомах упадка. Он не только значительно изменил свои взгляды в более поздних изданиях "Происхождения видов", отчетливо выразив мнение, что он приписывал естественному отбору слишком большое влияние, но даже такие ученые, как Оуэн, Хаксли — и, по крайней мере, в применении к человеку, сам Уоллес, — либо в значительной степени выступают против него, либо дают ему лишь ограниченное согласие. Таким образом, судьба всех теорий развития живых существ была такова, что они канули в лету. *Эволюция* сама по себе, однако, останется прежней".^[9] Мы находим в "Трудах Института Виктории" еще более решительное отрицание дарвинизма со стороны м-ра Хенслоу. Там он говорит: "Я не верю в теорию Дарвина и пытался опровергнуть ее, показав ее полную невозможность".^[10] Он определяет эволюцию следующим образом: "Предполагается, что все животные и растения, которые существуют сейчас или когда-либо существовали, произошли в соответствии с законами зарождения от ранее существовавших животных и растений соответственно; что родство между органическими существами подразумевает общность происхождения или обусловлено ею; и что степень родства между организмами пропорциональна близости их зарождения или, по крайней мере, к постоянство общих характеров, они являются продуктами изначально одного происхождения".^[11] Следовательно, человек может быть эволюционистом, не будучи при этом дарвинистом. Следует упомянуть, что мистер Хенслоу прямо исключает человека, как в отношении тела, так и души, из закона эволюции.

Теория естественного отбора также не является жизненно важным принципом теории мистера Дарвина, если только слово "естественный" не понимать в смысле, противоположном слову "сверхъестественный". В только что упомянутом историческом очерке м-р Дарвин не только говорит, что его предвосхитили в преподавании доктрины эволюции Ламарк и автор "Следов творения", но и что теория естественного отбора как средство объяснения эволюции не была для него оригинальной. Он сообщает нам, что еще в 1813 году доктор У. К. Уэллс "отчетливо признал принцип естественного отбора"; и что мистер Патрик Мэтью в 1831 году "высказал точно такой же взгляд на происхождение видов, какой был предложен мистером Уоллесом и мной". Идеи подобны семенам: они часто прорастают, и, не найдя подходящей почвы, не приносят плодов. Мистеру Дарвину, несомненно, принадлежит разработка и тщательная научная защита теории естественного отбора, и к нему следует отнести глубокий и широко распространенный интерес, который она вызвала.

СНОСКИ:

^[8] *Знание природы*. Von D. Hermann Ulrici. Zweite Auflage. Leipzig, 1866, p. 394.

[9] *Теория эволюции живых существ и применение принципов эволюции к религии.*

Преподобный Джордж Хенслоу, М. А., F. L. S., F. G. S. Лондон, 1873, стр. 27, 28.

[10] *Журнал трудов Института Виктории, или Философского общества Великобритании.*

Том iv. Лондон, 1870, стр. 278.

[11] *Эволюция и религия*, стр. 29.

Дарвинизм исключает телеологию.

Однако ни эволюция, ни естественный отбор не придают дарвинизму его особый характер и важность. Дело в том, что Дарвин отвергает всякую телеологию или доктрину конечных причин. Он отрицает замысел в любом из организмов растительного или животного мира. Он учит, что глаз был сформирован без какой-либо цели создания органа зрения.

Хотя доказательства по этому вопросу уже приводились, но поскольку их часто упускают из виду, по крайней мере в нашей стране, так что многие люди положительно отзываются о теории мистера Дарвина, которые являются дарвинистами не больше, чем мусульманами; и поскольку именно эта особенность его системы приводит ее в противоречие не только с христианством, но и с фундаментальными принципами естественной религии, это должно быть четко установлено. Источниками доказательств по этому пункту являются: 1. Собственные труды г-на Дарвина. 2. Изложения его теории, данные ее сторонниками. 3. Характер возражений, выдвигаемых его оппонентами.

Суть, которую необходимо доказать, заключается в том, что отличительной чертой учения мистера Дарвина является то, что виды обязаны своим происхождением не первоначальному намерению божественного разума; не особым актам творения, вызывающим к существованию новые формы в определенные эпохи; не постоянной и повсеместной эффективности Бога, направляющего физические причины в производстве запланированных результатов; не постепенному накоплению непреднамеренных вариаций структуры и инстинктов, обеспечивающих некоторое преимущество их субъектам.

Свидетельство самого Дарвина.

То, что такова доктрина мистера Дарвина, мы доказываем из его собственных работ. И первое доказательство из этого источника содержится в прямых заявлениях. Когда идея пронизывает книгу и составляет ее характер, отдельные отрывки составляют очень малую часть доказательств того, что она была внедрена. Однако в данном случае этих отрывков достаточно, чтобы удовлетворить даже тех, у кого не было возможности читать книги мистера Дарвина. Говоря о сходстве строения у животных одного и того же класса, он говорит: "Ничто не может быть более безнадежным, чем попытка объяснить это сходство структуры у представителей одного и того же класса полезностью или доктриной конечных причин".[12]

На последней странице своей работы он говорит: "Интересно созерцать заросший берег, покрытый множеством растений многих видов, с птицами, поющими на кустах, с различными насекомыми, порхающими повсюду, и с червями, ползающими по влажной земле, и

размышлять о том, что все эти искусно сконструированные формы, столь отличные друг от друга и столь сложным образом зависящие друг от друга, были созданы законами, действующими вокруг нас. Этими законами, взятыми в самом широком смысле, являются рост с размножением; изменчивость от косвенного и прямого воздействия условий жизни, а также от использования и неиспользования; коэффициент прироста настолько высок, что ведет к борьбе за жизнь и, как следствие, к естественному отбору, влекущему за собой дивергенцию признаков и вымирание менее улучшенных форм. Таким образом, из войны природы, из голода и смерти, самой возвышенной цели, которую мы способны вообразить, непосредственно вытекает образование высших животных. Есть величие в этом взгляде на жизнь с ее многочисленными силами, изначально вдохнутыми Создателем в несколько форм или в одну; и что, пока эта планета вращается по кругу в соответствии с установленным законом тяготения, из такого простого начала возникли и развиваются бесконечные формы, самые красивые и удивительнейшие ". (стр. 579)

В другой своей работе он спрашивает: "Предопределил ли Он (Бог), чтобы у голубей были разные хвостовые перья, чтобы любитель мог создавать свои гротескные породы с надутыми губами и веерохвостыми крыльями? Он изменил телосложение и умственные качества собаки, чтобы можно было создать породу неукротимой свирепости, с челюстями, приспособленными для того, чтобы загрызть быка, для жестоких забав человека? Но если мы откажемся от принципа в одном случае; если мы не допустим, что вариациями первобытной собаки намеренно управляли для того, например, чтобы могла быть сформирована борзая, этот совершенный образ симметрии и силы, то не может быть и тени разума в пользу веры в то, что вариации, сходные по природе и являющиеся результатом действия одних и тех же общих законов, которые были основой естественного отбора наиболее идеально приспособленных животных в мире, включая человека, направлялись намеренно и особым образом. Как бы нам этого ни хотелось, мы вряд ли можем следовать за профессором Эйсой Греем в его убеждении, "что изменения происходили по определенным благоприятным линиям, подобно тому, как ручей течет по полезным линиям орошения ". "[13]

Вариации, которые своим постепенным накоплением дают начало новым видам, родам, семействам и отрядам, сами по себе, шаг за шагом, случайны. Мистер Дарвин иногда говорит, что они происходят случайно; иногда он говорит, что они происходят по необходимости; в других случаях он говорит: "Мы глубоко не осведомлены об их причинах". Это всего лишь разные способы сказать, что они не являются преднамеренными. Когда человек выпускает что-либо из рук и говорит, что это было случайно, он не имеет в виду, что это было беспричинно, он только имеет в виду, что это не было преднамеренным. И это именно то, что имеет в виду Дарвин, когда говорит, что виды возникают в результате случайных вариаций. Вся его книга - это аргумент против телеологии. Весь вопрос в том, как нам объяснить бесчисленные разновидности, виды и роды растений и животных, включая человека? Были ли они задуманы? или же они возникли в результате постепенного накопления непреднамеренных вариаций? Его ответ на эти вопросы прост. На странице 245 он говорит: "На первый взгляд, нет ничего более трудного для веры, чем то, что более сложные органы и инстинкты были усовершенствованы не средствами, превосходящими человеческий разум, хотя и аналогичными ему, но бесчисленными незначительными вариациями, каждая из которых хороша для отдельного обладателя. Тем не менее, эта трудность, хотя и представляется нашему воображению [14] непреодолимо большой, не может считаться реальной, если мы примем следующие положения, а именно, что все части организации и инстинкты предлагают, по крайней мере,

индивидуальные различия; что существует борьба за существование, которая приводит к сохранению выгодных отклонений в структуре или инстинкте; и, наконец, что градации в состоянии совершенства о каждом органе, который, возможно, существовал, о каждом благе в своем роде". Он снова и снова повторяет, что если удастся доказать, что красота или любое изменение структуры были задуманы намеренно, это "уничтожит его теорию". Его доктрина заключается в том, что такие непреднамеренные вариации, которые оказываются полезными в борьбе за жизнь, сохраняются по принципу выживания наиболее приспособленных. Он выдвигает обычные возражения против телеологии, вытекающие из неразвитых или бесполезных органов, таких как перепонки ног у горного гуся и фрегата, которые никогда не плавают.

Что, однако, возможно, больше всего на свете проясняет его неприятие дизайна, так это манера, с которой он обращается со сложными формами растений и животных. Почему он не говорит, что они являются продуктом божественного разума? Если Бог создал их, то, насколько это касается вопроса замысла, не имеет значения, как Он их создал: сразу или в процессе эволюции. Но вместо того, чтобы соотносить их с Божьим замыслом, он усердно пытается доказать, что они могут быть объяснены без какого-либо замысла или цели вообще.

"Предполагать, - говорит он, - что глаз со всеми его неподражаемыми приспособлениями для настройки фокуса на различные расстояния, для пропуска различных степеней освещенности и для коррекции сферических и хроматических аберраций мог быть сформирован естественным отбором, кажется, я откровенно признаюсь, абсурдным в высшей степени". (стр. 222) Тем не менее, он пытается объяснить процесс. "Вряд ли возможно, - говорит он, - избежать сравнения глаза с телескопом. Мы знаем, что этот инструмент был усовершенствован длительными усилиями высочайшего человеческого интеллекта; и мы, естественно, приходим к выводу, что глаз сформировался в результате несколько аналогичного процесса. Но не является ли этот вывод самонадеянным? Имеем ли мы какое-либо право предполагать, что Творец действует интеллектуальными силами, подобными человеческим? Если мы должны сравнить глаз с оптическим прибором, мы должны в воображении взять толстый слой прозрачной ткани с пространствами, заполненными жидкостью, и с нервом, чувствительным к свету под ним, а затем представить, что плотность каждой части этого слоя постоянно и медленно изменяется, так что она разделяется на слои различной плотности и толщины, расположенные на разном расстоянии друг от друга, и при этом поверхности каждого слоя медленно меняют форму. Далее, мы должны предположить, что существует сила, представленная естественным отбором, или выживанием наиболее приспособленных, всегда внимательно наблюдающая за каждым незначительным изменением в прозрачных слоях и тщательно сохраняющая каждое, которое при различных обстоятельствах имеет тенденцию создавать отчетливое изображение. Мы должны предположить, что каждое новое состояние инструмента должно быть умножено на миллион; каждое должно быть сохранено до тех пор, пока не будет создано лучшее, а все старые должны быть уничтожены. В живых организмах вариации будут вызывать незначительные изменения, поколение будет умножать их почти бесконечно, и естественный отбор будет безошибочно выявлять каждое улучшение". [15] (стр. 226) "Пусть этот процесс, - говорит он, - будет продолжаться миллионы лет", и у нас, наконец, будет совершенное зрение.

Было бы абсурдно говорить что-либо неуважительное о таком человеке, как мистер Дарвин, и едва ли менее абсурдно позволять себе какую-либо простую языковую экстравагантность; и все

же мы выражаем наш собственный опыт, когда говорим, что считаем книги мистера Дарвина лучшим опровержением теории мистера Дарвина. Он постоянно ставит нас перед выбором: верить в то, что глаз - это произведение искусства или продукт непреднамеренного действия слепых физических причин. Любому здравомыслящему человеку абсолютно невозможно поверить, что это не произведение искусства. Очевидно, что сам Дарвин, какой бы дорогой ни была его теория, с трудом в это верит. "Необходимо, - говорит он, - прийти к справедливому заключению относительно формирования глаза, чтобы разум победил воображение; но я слишком остро ощутил трудность, чтобы удивляться какой-либо нерешительности в распространении принципа естественного отбора на столь поразительные масштабы". (стр. 225)

Следует заметить, что каждый шаг в его описании формирования глаза является произвольным предположением. Сначала мы должны предположить наличие толстого слоя ткани; затем, что ткань прозрачна; затем, что в ней есть полости, заполненные жидкостью; что под тканью находится нерв, чувствительный к свету; затем, что плотность и толщина жидкости постоянно меняются; что ее поверхности постоянно меняют свой контур; что различные ее участки постоянно меняют свои относительные расстояния; что каждое благоприятное изменение улавливается и становится постоянным, — таким образом, через миллионы лет мы можем получить глаз, столь же совершенный, как у орла. Подобным же образом мы можем предположить, что человек берется за объяснение происхождения и содержания Библии, предполагая в качестве своей "рабочей гипотезы", что это не продукт разума ни человеческого, ни божественного, но что он был создан наборной машиной, работающей на пару, и выбирающей шрифт *har-hazard*. Таким образом, через тысячу лет может быть составлено одно предложение, через тысячу - другое в секунду, и еще через десять тысяч эти два предложения могут сойтись в нужном положении. Таким образом, в течение "миллионов лет" могла быть создана Библия со всеми ее историческими подробностями, со всеми ее возвышенными истинами, со всей ее благочестивой и возвышенной поэзией и, прежде всего, с описанием характера Христа, Иеговы, идеала величия и прелести, перед которым весь мир, верующий и неверующий, волей-неволей склоняется в благоговении. И когда разум в достаточной степени усмирит воображение, чтобы признать все это, тогда с помощью той же теории мы сможем объяснить наличие всех книг на всех языках во всех библиотеках мира. Таким образом, мы должны применять дарвинизм в сфере литературы. Это теория, которая, как нам говорят, должна смести христианство и Церковь!

М-р Дарвин дает такой же неудовлетворительный отчет о чудесных "приспособлениях" в растительном мире. У одного вида орхидей губная раковина, или нижняя губа, вдавлена в большое ведро, постоянно наполненное водой, выделяемой из двух рогов, расположенных над ней; когда ведро достаточно наполняется, вода вытекает через трубу или носик с одной стороны. Пчелы, которые толпятся на цветке ради нектара, толкают друг друга, так что некоторые падают в воду; и, намочив крылья, они не могут летать и вынуждены проползать через носик. При этом они соприкасаются с пыльцой, которая, прилипая к их спинкам, переносится на другие цветы. Это сложное приспособление, с помощью которого оплодотворяются женские растения, согласно теории, было создано в результате медленного процесса естественного отбора, или выживания наиболее приспособленных.

Еще более замечательным является расположение у другого вида орхидей. Когда пчела начинает грызть лабеллум, она неизбежно задевает заостренный выступ, который при

прикосновении передает вибрацию, разрывающую мембрану, которая высвобождает пружину, с помощью которой масса пыльцы безошибочно выстреливает по спине пчелы, которая затем отправляется выполнять свое поручение по оплодотворению.

Очень большой класс растений удобряется с помощью насекомых. Эти цветы прекрасны не ради красоты, — ибо это, по словам мистера Дарвина, опровергло бы его теорию, — но те, которым посчастливилось быть красивыми, привлекают насекомых и таким образом оплодотворяются и сохраняются, в то время как более некрасивыми пренебрегают и они погибают. То же самое касается птиц. Самки, как правило, невзрачные, потому что самки яркой окраски настолько обнажены в период насиживания, что их уничтожают враги. Подобным образом самцы птиц обычно украшены блестящим оперением. Это объясняется тем, что они более привлекательны и, таким образом, продолжают свою расу, в то время как у более некрасивых птиц мало потомков или их вообще нет. Таким образом, любой дизайн старательно исключается из любого раздела природы.

Предыдущие страницы содержат лишь малую часть доказательств, представленных собственными работами мистера Дарвина, что его доктрина предполагает отрицание всех конечных причин. Весь смысл его книг заключается в том, чтобы доказать, что все органы растений и животных, все их инстинкты и умственные способности могут быть объяснены слепым действием естественных причин, без какого-либо намерения, целеустремленности или сотрудничества Бога. Это то, что профессор Хаксли и другие называют "творческой идеей", к которой следует отнести широкое влияние его работ.

СНОСКИ:

[12] *Происхождение видов*, стр. 517.

[13] *Вариации животных и растений при одомашнивании*. Чарльз Дарвин, Ф. Р. С. и др. Нью-Йорк, 1868, том ii. Стр. 515, 516.

[14] Что может означать слово "воображение" в этом предложении, если оно не означает "Здравый смысл"?

[15] Привычка мистера Дарвина персонифицировать природу доставила, как говорит его друг мистер Уоллес, немало хлопот его читателям. Он определяет природу как совокупность физических сил; и в единственном процитированном отрывке он говорит о Естественном отборе "как о пристальном наблюдении", "отборе с безошибочным мастерством" и "бережном сохранении". Это правда, он говорит нам, что все это следует понимать метафорически.

Показания сторонников этой теории.

Пора обратиться к изложению дарвинизма его признанными защитниками в доказательство утверждения о том, что он исключает всякую телеологию.

Первым из этих свидетелей является мистер Альфред Рассел Уоллес, сам выдающийся натуралист. Мистер Дарвин сообщает своим читателям, что еще в 1844 году он собрал материал и разработал свою теорию, но не опубликовал ее для всего мира, хотя она была доведена до сведения некоторых его друзей. В 1858 году он получил мемуары от мистера Уоллеса, который в

то время изучал естественную историю Малайского архипелага. Из этих мемуаров он узнал, что мистер Уоллес "пришел почти к тем же выводам, что и я (он сам) о происхождении видов". Это привело к публикации его книги на эту тему одновременно с мемуарами мистера Уоллеса. Между этими джентльменами не было ревности или соперничества. Г-н Уоллес любезно признает приоритет утверждения г-на Дарвина и приписывает ему заслугу в том, что он разработал и поддержал его таким образом, чтобы привлечь к нему всеобщее внимание. Эти факты упоминаются для того, чтобы показать компетентность мистера Уоллеса как свидетеля истинного характера дарвинизма.

М-р Уоллес в "Теории естественного отбора" посвящает главу рассмотрению возражений, выдвинутых герцогом Аргайлом в его работе о "Верховенстве закона" против этой теории. Этих возражений в основном два: первое, что дизайн обязательно подразумевает умного дизайнера; и второе, что красота, не являющаяся преимуществом для ее обладателя в борьбе за жизнь, не может быть объяснена принципом выживания наиболее приспособленных. Герцог, по его словам, утверждает, что изобретательность и красота указывают на "постоянный надзор и вмешательство Создателя и никак не могут быть объяснены самостоятельным действием какой-либо комбинации законов. Итак, работа мистера Дарвина, - добавляет он, - имеет своей главной целью показать, что все явления живых существ — все их замечательные органы и сложные структуры, их бесконечное разнообразие форм, размеров и цветов, их сложные и запутанные отношения друг к другу — могли быть вызваны действием нескольких общих законов простейшего рода, законов, которые в большинстве случаев являются простыми утверждениями общепризнанных фактов". (стр. 265) Это те законы, с которыми мы знакомы: наследственность, Вариации, Перепроизводство, Борьба за жизнь, Выживание наиболее приспособленных. "Вполне вероятно, - говорит он, - что эти первичные факты или законы являются всего лишь результатами самой природы жизни и существенных свойств организованной и неорганизованной материи. Мистер Герберт Спенсер в своих "Первых принципах" и в своей "Биологии", я думаю, помог нам понять, как это может быть; но в настоящее время мы можем принять эти простые законы, не возвращаясь дальше назад, и тогда возникает вопрос, могли ли разнообразие, гармония, изобретательность и красота, которые мы воспринимаем, быть вызваны действием только этих законов, или же от нас требуется верить в непрерывное вмешательство и прямое действие разума и воли Создателя". (стр. 267)[16] М-р Уоллес утверждает, что герцог Аргайлл утверждает, что Бог "лично применил общие законы для производства эффектов, которые сами по себе эти законы произвести не способны; что вселенная сама по себе со всеми ее неизменными законами была бы своего рода хаосом, без разнообразия, без гармонии, без замысла, без красоты; что нет (и, следовательно, мы можем предположить, что не могло быть) хаоса.) любая саморазвивающаяся сила во вселенной. Напротив, я верю, что вселенная устроена так, что является саморегулирующейся; что до тех пор, пока в ней существует жизнь, формы, в которых проявляется эта жизнь, обладают врожденной способностью приспособливаться друг к другу и к своему окружению; и что это приспособление обязательно приводит к наибольшему разнообразию, красоте и наслаждению, потому что оно зависит от общих законов, а не от постоянного наблюдения и перестановки деталей". (стр. 268) "Странные пружины, ловушки и западни, обнаруживаемые в цветах орхидей, не могут, - говорит он, - быть необходимыми *сами по себе*", поскольку точно такой же цели достигают десять тысяч других цветов, которые ими не обладают. Разве это не экстраординарная идея - представить Создателя вселенной, создающего различные сложные части этих цветов, подобно тому, как механик может создать хитроумную игрушку или сложную

головоломку? Разве это не более достойная концепция, что они являются результатами тех общих законов, которые были настолько согласованы при первом появлении жизни на земле, что неизбежно привели к максимально возможному развитию разнообразных форм". (стр. 270) "Я, например, - говорит он, - не могу поверить, что мир пришел бы к хаосу, если бы его оставили только на усмотрение закона.... Если любое изменение структуры может быть результатом действия закона, почему не все? Если должны возникнуть некоторые самоадаптации, почему не могут возникнуть другие? Если есть какие-то разновидности цвета, то почему не все разновидности, которые мы видим? Не предпринимается никаких попыток объяснить это, кроме как ссылкой на тот факт, что "цель" и "приспособление" видны повсюду, и путем нелогичного вывода они могли возникнуть только в результате прямого действия какого-то разума, потому что прямое действие нашего разума порождает подобные "приспособления"; но забывается, что адаптация, какой бы производимой она ни была, должна иметь видимость замысла". (стр. 280)[17] Сославшись на тот факт, что флористы и селекционеры могут создавать разновидности растений и животных, так что, "независимо от того, хотели ли они бульдога мучить другое животное, борзую ловить зайца или ищейку выслеживать своих угнетенных собратьев, требуемые вариации всегда появлялись", он добавляет: "Чтобы быть последовательными, наши оппоненты должны утверждать, что каждая из вариаций, которые сделали возможными изменения, произведенные человеком, были определены Создателем в нужное время и в нужном месте. Каждая раса, выведенная цветоводом или селекционером, любителем собак или голубей, крысоловом, спортсменом или охотником за рабами, должна была быть обеспечена разновидностями, появляющимися тогда, когда этого хотели; и поскольку в этих вариациях никогда не отказывали, это доказывало бы, что мудрое и всемогущее Существо одобрило то, что высшие человеческие умы считают тривиальным, подлым или унижительным". (стр. 290)[18]

Небулярная гипотеза, выдвинутая Ла Плейсом, предлагала объяснить происхождение вселенной процессом эволюции под контролем простых физических сил. Что касается эволюции, то эта гипотеза была принята людьми, которые искренне верят в Бога и в Библию. Но они утверждают не только то, что Бог создал материю и наделил ее ее свойствами, но и то, что Он спроектировал вселенную и таким образом контролировал действие физических законов, что они достигли его цели. Итак, есть христиане, которые верят в эволюцию одного вида растений и животных из более ранних и простых форм; но они верят, что все было задумано Богом и что именно благодаря его замыслу и силе все формы растительной и животной жизни являются такими, какие они есть. Но это не вопрос. Дарвин и объявляяvocates своей теории отрицают, это все конструкция. Органы, даже такие сложные и прекрасные, не были предназначены. Говорят, что они возникают из-за ненаправленного и непреднамеренного действия физических законов. Это аргумент мистера Уоллеса. Он пытается показать, что недостойно Бога предполагать, что Он изобрел механизм орхидей, подобно тому как механик придумывает любопытную головоломку.

Недавно мы слышали, как профессор. Джозеф Генри в кратком выступлении сказал по существу: "Если я возьму латунь, стекло и другие материалы и сплавлю их, то получу шлак. Это то, что делают физические законы. Если я возьму те же материалы и сформирую из них телескоп, это то, что делает разум". В двух словах, это весь вопрос. То, что дизайн подразумевает наличие умного дизайнера, является самоочевидной истиной. В это верит каждый человек; и практически никто не может в это не верить. Даже те натуралисты, которые теоретически отрицают это, если они находят в пещере такую простую вещь, как кремневый наконечник

стрелы, так же уверены в том, что это сделал человек, как и в своем собственном существовании. И все же они хотят, чтобы мы поверили, что орлиный глаз - результат слепых естественных причин. Никакая комбинация физических сил никогда не создавала корабль или локомотив. Действительно, можно сказать, что они представляют собой мертвую материю, тогда как растения и животные живут. Но что такое жизнь, как не одна из форм организующей эффективности Бога?

Мистер Уоллес не заходит так далеко, как мистер Дарвин. Он отказывается рассматривать человека ни с точки зрения тела, ни с точки зрения души как продукт простых естественных причин. Он настаивает на том, что "для объяснения человека необходим высший разум" (стр. 359). Это, конечно, подразумевает, что при создании растений или животных, стоящих ниже человека, не допускается участие такого более высокого разума.

СНОСКИ:

[16] Вопрос не в том, как говорит мистер Уоллес, "Как работал Творец?" но, как он сам утверждает, вопрос в том, одни ли существенные свойства материи сотворили все чудеса творения; или же их следует отнести к разуму и воле Бога. Стоит отметить, как господа. Дарвин и Уоллес называют мистера Спенсера своим философом. Мы видели, что такое философия Спенсера.

[17] Следовательно, ясно, что дизайн - это то, что отвергают г-н Дарвин и г-н Уоллес.

[18] То, что Бог разрешает людям, используя законы природы, перегонять алкоголь и варить яды, не доказывает, что Он одобряет пьянство или убийство.

Профессор Хаксли.

Вторым свидетелем относительно характера теории мистера Дарвина является профессор Хаксли. Мы испытываем некоторые колебания, стоит ли включать имя этого выдающегося натуралиста в число защитников дарвинизма.[19] С одной стороны, в своем Эссе о происхождении видов, напечатанном в "Вестминстер Ревью" в 1860 году и повторно напечатанном в его "Мирских проповедях" и др. в 1870 году, он говорит: "В методе мистера Дарвина нельзя найти недостатков, но другое дело, выполнил ли он все условия". навязанный таким методом. Удовлетворительно ли доказано, что виды могут[20]? что ни одно из явлений, проявляемых видами, таким образом, не противоречит происхождению видов? Если на эти вопросы можно ответить утвердительно, точка зрения м—ра Дарвина переходит из разряда гипотез в разряд теорий; но до тех пор, пока приводимые в настоящее время доказательства не подтверждают это утверждение, до тех пор, по нашему мнению, новая доктрина должна довольствоваться тем, что остается среди первых, - чрезвычайно ценная и в высшей степени вероятная доктрина; действительно, единственная существующая гипотеза, которая чего-либо стоит с научной точки зрения; но все же это гипотеза, а не теория видов. После долгих размышлений, - добавляет он, - и, конечно, без предубеждения против взглядов мистера Дарвина, мы пришли к четкому убеждению, что в том виде, в каком они сейчас имеются, не доказано абсолютно, что группа животных, обладающих всеми признаками,

проявляемыми видами в Природе, когда-либо была создана путем отбора, искусственного или естественного ".[21]

Опять же, в своей работе "Место человека в природе" он высказывается примерно в том же духе: "Истинная физическая причина признается таковой только при одном условии, что она объясняет все явления, попадающие в сферу ее действия. Если она несовместима с каким-либо одним феноменом, она должна быть отвергнута; если она не может объяснить какой-либо один феномен, то пока остается только подозревать, хотя она может иметь полное право на предварительное принятие.... Следовательно, наше принятие дарвиновской гипотезы должно быть предварительным до тех пор, пока отсутствует одно звено в цепи доказательств; и до тех пор, пока все животные и растения, несомненно полученные путем селекции из общего стада, фертильны, а их потомство фертильно друг с другом, это звено будет отсутствовать. В течение столь длительного времени не будет доказано, что селективное разведение отвечает всем требованиям, необходимым для получения естественных видов ".[22] В непосредственной связи с приведенным выше отрывком есть еще один, который проливает ясный свет на космические взгляды профессора Хаксли. "Вся аналогия с природными процессами дает настолько полный и сокрушительный аргумент против вмешательства каких-либо иных причин, кроме так называемых вторичных, в производство всех явлений вселенной; что, принимая во внимание тесные отношения человека и остального живого мира, а также между силами, действующими последним, и всеми другими силами, я не вижу причин сомневаться в том, что все они являются согласованными элементами великого прогресса природы, от бесформенного к сформированному, от неорганического к органическому, от слепой силы к сознательному интеллекту и воле".[23]

Разве это не должно решить вопрос? Должны ли мы отказаться от Библии и всех наших надежд ради гипотезы о том, что все живые существа, включая человека, на лице земли произошли от первичной животной формы путем естественного отбора, когда такой человек, как Хаксли, который (как сказал Вольтер о пророке Хаббаку) *способен на это*, говорит, что не было доказано, что какой-либо один вид произошел таким образом?

Но, с другой стороны, хотя он честно признает, что учение Дарвина - это всего лишь гипотеза, а не теория, он, тем не менее, написал по крайней мере три эссе или обзора в ее изложении и обосновании. По крайней мере, на европейском континенте на него свободно ссылаются как на ярого сторонника этой доктрины; и он без возражений цитирует подобные обозначения самого себя. Во всяком случае, поскольку он уверяет своих читателей, что у него нет предубеждения против взглядов мистера Дарвина, поскольку он посвятил этому предмету много времени и внимания и поскольку он является одним из самых выдающихся натуралистов нашего времени, не может быть никаких сомнений в его компетентности как свидетеля того, что такое дарвинизм.

Его свидетельство о том, что доктрина мистера Дарвина исключает всякую телеологию, или конечные причины, является недвусмысленным. В своей рецензии на "Критические замечания о происхождении видов" он говорит, "что когда он впервые прочитал книгу мистера Дарвина, то, что поразило его сильнее всего, было убеждением, что телеология, как ее обычно понимают, получила смертельный удар от рук мистера Дарвина. Ибо телеологический аргумент звучит так: орган точно приспособлен для выполнения определенной функции или назначения; следовательно, он был специально сконструирован для выполнения этой функции. В известной иллюстрации Пейли, приспособление всех частей часов к функции или назначению показа

времени считается доказательством того, что часы были специально сконструированы для этой цели; на том основании, что единственная известная нам причина, способная произвести такой эффект, как часы, которые будут показывать время, - это изобретательный разум, приспособляющий средства непосредственно к этой цели ".[24] Мистер Хаксли говорит нам, что это именно то, что Дарвин отрицает в отношении органов растений и животных. Глаз был создан не для того, чтобы видеть, а ухо - чтобы слышать. Случилось так, что нерв стал чувствительным к свету; затем со временем на нем образовалась прозрачная ткань; и таким образом за "миллионы лет" сформировался глаз, как мы видели выше. Ни один такой орган никогда не был задуман Богом или человеком. "Аппарат, - говорит профессор Хаксли, - полностью приспособленный к определенной цели, может быть результатом метода проб и ошибок, разработанного неразумными агентами, а также применения разумным агентом средств, соответствующих цели". "Представление о том, что каждый организм был создан таким, каков он есть, и запущен прямо для достижения определенной цели, мистер Дарвин заменяет концепцией чего-то, что справедливо можно назвать методом проб и ошибок. Организмы непрерывно изменяются; из этих вариаций немногие встречаются с окружающими условиями, которые их устраивают, и процветают; многие оказываются непригодными и вымирают ". "Для телеолога организм существует, потому что он был создан для условий, в которых он находится; для дарвиниста организм существует, потому что из многих ему подобных он единственный, кто смог сохраниться в условиях, в которых он был найден". "Если мы правильно понимаем, - говорит далее Хаксли, - дух "Происхождения видов", то ничто не может быть более цельным и абсолютно противоположным телеологии, как ее обычно понимают, чем дарвиновская теория". (стр. 303)

Уже говорилось, что мистер Уоллес не применяет доктрину эволюции к человеку; этого не делает и мистер Майварт, выдающийся натуралист, являющийся членом Латинской церкви. Манера, в которой профессор Хаксли говорит об этих джентльменах, показывает, насколько основательно, по его мнению, мистер Дарвин изгоняет Бога из своих произведений: "Мистер Уоллес и м-р Майварт такие же убежденные эволюционисты, как и сам м-р Дарвин; но м-р Уоллес отрицает, что человек мог развиться из низшего животного в результате процесса естественного отбора, который он, как и м-р Дарвин, считает достаточным для эволюции всех животных ниже человека; в то время как м-р Майварт, признавая, что естественный отбор был одним из условий существования животных ниже человека, утверждает, что естественный отбор должен был, даже в их случае, быть дополнен какой-то другой причиной, о природе которой, к сожалению, он не дает нам никакого представления. Таким образом, мистер Майварт в меньшей степени дарвинианец, чем мистер Уоллес, поскольку он верит в силу естественного отбора. Но он больший эволюционист, чем мистер Уоллес, потому что мистер Уоллес считает необходимым призвать разумного агента, своего рода сверхъестественного сэра Джона Себрайта, чтобы создать даже животную оболочку человека; в то время как мистеру Майварту не требуется Божественная помощь, пока он не доберется до души человека ".[25]

В "Академии" за октябрь 1869 года есть рецензия профессора Хаксли на книгу доктора Геккеля "Природоведение", в которой он говорит: "Профессор Геккель расширяет ту услугу, которую оказало "Происхождение видов" в пользу того, что он называет "причинным или механическим" взглядом на живую природу в противовес "телеологическому или виталистическому" взгляду. И, без сомнения, совершенно верно, что доктрина эволюции является самой грозной из всех более распространенных и грубых форм телеологии. Возможно, самая замечательная услуга философии биологии, оказанная мистером Дарвином, - это примирение телеологии и

морфологии, а также объяснение фактов, касающихся обеих сторон, которое предлагает его точка зрения.

"Телеология, предполагающая, что глаз, такой, каким мы видим его у человека или у высших позвоночных, был создан с учетом точной структуры, которую он демонстрирует, для того, чтобы животное, обладающее им, могло видеть, несомненно, получила смертельный удар. Но необходимо помнить, что существует высшая телеология, которая не затрагивается доктриной эволюции, но фактически основана на фундаментальном положении эволюции. Это утверждение состоит в том, что весь мир, живой и неживой, является результатом взаимного взаимодействия, согласно определенным законам, сил, которыми обладают молекулы, из которых состояла первоначальная туманность Вселенной. Если это правда, то не менее несомненно, что существующий мир потенциально находится в космическом паре; и что достаточный интеллект мог бы, зная свойства этого пара, предсказать, скажем, состояние фауны Великобритании в 1869 году с такой же уверенностью, с какой можно сказать, что произойдет с парами дыхания в холодный зимний день ". Это доктрина о самозволюции вселенной. Мы не знаем, что может скрываться за этим в сознании м-ра Хаксли; но мы совершенно уверены, что в приведенном выше параграфе нет ни одной идеи, которую Эпикур древности, а также Бюхнер, Фогт, Геккель и другие "Люди фон Профессии" не приняли бы с радостью. Его различие между высшей и низшей телеологией не имеет значения в данном обсуждении. Что такое телеология, которой, по его словам, мистер Дарвин нанес смертельный удар, ясно показывают приведенные выше выдержки. Глаз, говорит Хаксли, был создан не для того, чтобы видеть, а ухо - не для того, чтобы слышать. "Согласно телеологии, - говорит он, - каждый организм подобен винтовочной пуле, выпущенной точно в цель; согласно Дарвину, организмы подобны картечи, из которой одна попадает во что-то, а остальные разлетаются в разные стороны".[26]

СНОСКИ:

[19] Мистер Хаксли, если мы можем судить по тому, что он говорит о себе, в некоторой степени подвержен неправильному пониманию. Он говорит, что четырнадцать лет боролся с обвинениями в позитивизме, выдвинутыми против класса ученых, к которому он принадлежит. Он также сообщает нам в своем письме профессору Тиндаллу, предваряющем его сборник *мирских проповедей и обращений*, что "Эссе о физических основах жизни", включенное в этот том, было задумано как протест с философской стороны против того, что обычно называют материализмом. Однако оказалось, что общественность восприняла это как аргумент в пользу материализма. Мы думаем, что это было очень естественной, если не неизбежной ошибкой, со стороны общественности. Ибо в этом Эссе он говорит, что протоплазма, или физическая основа жизни, "является разновидностью материи, общей для всех живых существ, что силы или способности всех видов живой материи, какими бы разнообразными они ни были по степени, по существу относятся к одному и тому же виду". Насколько известно, протоплазма содержит четыре элемента — углерод, водород, кислород и азот. Это безжизненные тела, "но, будучи сведены вместе при определенных условиях, они дают начало еще более сложной протоплазме тела; и эта протоплазма проявляет явления жизни". Он учит, что оснований для предположения о существовании таинственного чего-то, называемого витальность, для объяснения витальных явлений не больше, чем для предположения о чем-то, называемом Аквасити, для объяснения

феноменов воды. Говорят, что жизнь является "продуктом определенного расположения материальных молекул". Материя жизни "состоит из обычной материи, отличаясь от нее только способом агрегирования ее атомов". Я полагаю, - говорит он, - что совершенно невозможно доказать, что что бы то ни было не может быть следствием материальной и необходимой причины, и что человеческая логика в равной степени некомпетентна доказать, что любое действие действительно спонтанно. Действительно спонтанный акт - это тот, который, согласно предположению, не имеет причины; и попытка доказать такое отрицание, как это, на первый взгляд абсурдна. И хотя, таким образом, философски невозможно доказать, что какое-либо данное явление не является следствием материальной причины, любой, кто знаком с историей науки, согласится, что ее прогресс во все века означал, а сейчас больше, чем когда-либо, означает расширение того, что мы называем материей и причинностью, и сопутствующее этому постепенное изгнание из всех областей человеческой мысли того, что мы называем духом и спонтанностью".

[20] Ни от чьего внимания не может ускользнуть тот факт, что г-н Дарвин, г-н Уоллес, профессор Хаксли и все другие защитники дарвинизма не претендуют на доказательство чего-либо большего, чем то, что виды *могут* возникнуть в результате отбора, а не на то, что нет другого удовлетворительного объяснения их происхождения. г-н Дарвин признает, что отнесение их к намерению и эффективности Бога объясняет все, но, по его словам, это не наука.

[21] *Проповеди мирян, обращения и обзоры*. Томас Генри Хаксли, доктор права, Лондон, 1870, стр. 323.

[22] *Свидетельство места человека в природе*. Лондон, 1864, стр. 107.

[23] С момента написания вышеупомянутого абзаца наш взгляд упал на следующую заметку на 89-й странице "*Правления закона*" герцога Аргайла, которую мы с удовольствием цитируем. Кажется, один писатель из *Spectator* обвинил профессора Хаксли в атеизме. В номере этой газеты за 10 февраля 1866 года профессор отвечает: "Я не уверен, что меня очень волнует народная ненависть, поэтому нет большой заслуги в том, чтобы сказать, что если бы я действительно счел нужным отрицать существование Бога, я, безусловно, сделал бы это ради моей собственной интеллектуальной свободы и был бы честным атеистом, каким вам угодно меня считать. Однако так получилось, что я не могу честно занять эту позицию, поскольку это всегда было излюбленным принципом, согласно которому атеизм, с логической точки зрения, так же абсурден, как и политеизм". В той же статье он говорит: "Отрицание возможности чудес кажется мне столь же неоправданным, как и спекулятивный атеизм". Как это можно согласовать с процитированными выше отрывками, мы не в состоянии понять.

[24] *Проповеди для миряни др.*, стр. 330.

[25] *Современное обозрение*, том. xviii. 1871, стр. 444. В этой же статье г-н Хаксли говорит: "Великий вопрос Илии: будете ли вы служить Богу или Ваалу? Выбирай сам" - достаточно громко звучит в ушах каждого из нас, когда мы становимся взрослыми. Пусть каждый человек, пытающийся серьезно ответить на этот вопрос, спросит себя, может ли он быть удовлетворен авторитетом Ваала и всеми благами, обещанными его почитателям в этом мире и в следующем. Если он может, пусть он, если у него есть такая склонность, развлекается такими научными приборами, которые, по мнению авторитетных источников, безопасны и не порежут ему пальцы; но пусть он не воображает, что он является или может быть одновременно истинным сыном

Церкви и верным солдатом науки ". И, с другой стороны, если слепое принятие авторитета предстает перед ним в его истинном свете, как простое частное суждение *in excelsis*, и если у него хватит мужества остаться в одиночестве лицом к лицу с бездной Вечного и Непознаваемого, пусть он удовлетворится, раз и навсегда, не только отказом от хороших вещей, обещанных "Непогрешимостью", но даже тем плохим, что она предсказывает; удовлетворится следованием разуму и фактам в целеустремленности и честности цели, куда бы они ни вели, в твердой вере, что ад честных людей будет всегда. для него это было бы более сносно, чем рай, полный ангельского притворства". Не может быть никаких сомнений в том, что апостол Павел верил в непогрешимость Священных Писаний. Представьте себе, что профессор Хаксли называет святого Павла ему в лицо притворщиком! Что значат все Хаксли, которые когда-либо жили или могут жить, по сравнению с этим единственным Полем, имеющим власть добра над человеческими мыслями, характером и судьбой!

Профессор Хаксли продолжает в следующем абзаце: "Мистер Майварт утверждает, что "без веры в личного Бога нет религии, достойной этого названия ". Это вопрос мнения. Но можно утверждать, с меньшим основанием опасаться противоречия, что поклонение личностному Богу, который, по гипотезе м-ра Майварта, должно быть, использовал слова, тщательно рассчитанные на то, чтобы обмануть своих созданий и почитателей, "не является религией, достойной этого названия ". "Невероятное есть, Слово зла, распространенное среди людей" - это вердикт, в котором на этот раз иезуитская казуистика соглашается со здоровым моральным чувством всего человечества". (стр. 458). М-р Хаксли называет верующих в Священные Писания и (по-видимому) верующие в личного Бога, фанатики, старушки обоего пола, библиолаторы, дураки и т.д. и т.п.

[26] *Проповеди для миряни* т.д. стр. 331.

Büchner.

Доктор Луи Бюхнер, президент медицинской ассоциации Гессен-Дармштадта и т.д., и т.п., не только человек науки, но и популярный писатель. Пожалуй, ни одна книга такого класса в наши дни не получила такого широкого распространения, как его книга о "Крафте и стоффе", материи и силе. Она переведена на все языки Европы. Он считает, что материя и сила неразделимы; не может быть одного без другого; оба вечны и нетленны; ни одно из них не может быть ни увеличено, ни уменьшено; жизнь возникла спонтанно в результате сочетания молекул материи при благоприятных условиях; все явления вселенной, неорганические и органические, будь то физические, витальные или ментальные, обусловлены материей и ее силами. Следовательно, нет ни Бога, ни творения, ни разума, отличного от материи, ни сознательного существования человека после смерти. Все это утверждается в самых недвусмысленных выражениях. Доктор Бюхнер опубликовал работу по дарвинизму в двух томах. Теория Дарвина, по его словам, "наиболее натуралистична, какую только можно себе представить, и гораздо более атеистична, чем теория его осуждаемого предшественника Ламарка, который признавал, по крайней мере, общий закон прогресса и развития; тогда как, согласно Дарвину, все развитие происходит за счет постепенного суммирования бесчисленных мельчайших и случайных операций". [27]

СНОСКА:

[27] *Sechs Vorlesungen über die Darwinische Theorie*. Von Ludwig Büchner. Zweite Auflage, Leipzig, 1848, vol. i. p. 125.

Карл Фогт.

В своем предисловии к своей работе "Происхождение человека" мистер Дарвин цитирует этого автора как высокого авторитета. Мы видим, что в других местах его называют одним из первых физиологов Германии. Заключительную лекцию второго тома своей работы о человеке Фогт посвящает рассмотрению дарвинизма. Он выражает свое мнение об этом, после высокой оценки, в следующих выражениях. Он говорит, что не подлежит сомнению, что "теория Дарвина без всяких колебаний выставляет Творца — и его случайное вмешательство во вращение земли и в воспроизводство видов — за дверь, поскольку она не оставляет ни малейшего пространства для воли такого Существа. Когда дается первый живой зародыш, из него творение развивается постепенно путем естественного отбора, на протяжении всех геологических периодов наших планет, по простому закону происхождения — ни один новый вид не возникает в результате сотворения и ни один не погибает в результате божественного уничтожения — естественный ход вещей, процесс эволюции всех организмов и самой земли, сам по себе достаточен для производства всего, что мы видим. Таким образом, Человек не является особым творением, созданным иным способом и отличным от других животных, наделенным индивидуальной душой и одушевленным дыханием Бога; напротив, Человек является лишь высшим продуктом прогрессивной эволюции животной жизни, происходящей от группы обезьян, следующих за ним." [28]

После этого никто не удивится, услышав, как он говорит, что "кафедры ортодоксов, исповедальни священников, трибуны внутренних миссий, президентские кафедры консисторий оглашаются протестами против посягательств материализма и дарвинизма на самые основы общества". (стр. 286) Это он называет "Das Wehgeschrei der Moralisten" (Вопль моралистов). Название "моралисты" является удачным применительно к противникам Фогта и его единомышленников. Это отличает их как людей, которые не утратили своего морального чувства; которые отказываются ограничивать свою веру тем, что может быть доказано пятью чувствами; которые преклоняются перед авторитетом закона, начертанного перстом Божиим в сердцах людей, который ни софистика, ни зло не могут эффективно стереть. Все, что Фогт считает необходимым ответить этим моралистам, это "Last sie bellen, bis sie ausgebellt haben" (Пусть лают, пока не устанут). "Ende."

СНОСКА:

[28] *Vorlesungen über den Menschen, seine Stellung in der Schoepfung und in der Geschichte der Erde*. Von Carl Vogt. Giessen, 1863, vol. ii. p. 260.

Haesckel.

Говорят, что доктор Эрнст Геккель, профессор Йенского университета, стоит во главе ныне живущих натуралистов Германии. Его работа "Естественная история творения" содержит курс лекций, прочитанных профессорам, студентам и жителям Йены. Таким образом, она несколько популярна по своему характеру. Способности писателя проявляются на каждой странице. Отчетливость его восприятия, точность языка, прозорливость стиля и сила его убеждений производят впечатление человека, полностью владеющего своим предметом, хорошо продумавшего себя и вполне удовлетворенного выводами, к которым он пришел. В то же время это впечатление человека, развитого только с одной стороны; который никогда не смотрит внутрь себя; который не осознает чудес, открывающихся в сознании; для которого интуиция разума и совести, чувство зависимости от воли, более высокой, чем наша собственная, — чувство долга и ответственности не имеют значения, — короче говоря, человека, для которого образ Божий, запечатленный в душе человека, невидим. В таком случае тот, кто меньше всех в царстве Небесном, больше его.

Геккель признает, что название его книги "Естественное творение", *то есть* творение по естественным законам, является противоречием. Однако он проводит различие между созданием вещества и созданием формы. О первом он говорит, что наука ничего не знает. Для ученого материя вечна. Если кто-то решит предположить, что это было создано внеземной силой, Геккель говорит, что он не будет возражать. Но это вопрос веры; а "там, где начинается вера, заканчивается наука". Верно как раз обратное. Наука должна начинаться с веры. Без нее она не может сделать ни единого шага. Откуда Геккель знает, что чувства его не обманывают? Откуда он знает, что может доверять работе своего интеллекта? Откуда он знает, что вещи таковы, какими кажутся? Откуда он знает, что вселенная - это не великая фантазмагория, как считали многие люди, а человек - просто забава химер? Он должен верить в законы веры, заложенные в его натуре. Знание подразумевает разум, который знает, а уверенность в акте познания подразумевает веру в законы разума. "Индуктивная наука о природе, - говорит президент Портер, - предполагает науку об индукции, а наука об индукции предполагает науку о человеке".[29] Геккель, однако, говорит, что вера является простым продуктом поэтического воображения; наука - понимания; если ее выводы вступают в противоречие с творениями воображения, последнее, конечно, должно уступить.[30]

Он говорит, что всегда существовали две конфликтующие теории вселенной: одна монистическая; другая дуалистическая. Первый допускает только одну субстанцию, материю; другой - две, материю и разум. Он предпочитает называть первое монизмом, а не материализмом, потому что последний термин часто включает идею морального материализма, *то есть* доктрину о том, что чувственное удовольствие является целью жизни; доктрины, по его словам, гораздо чаще придерживаются высокопоставленные церковники, чем люди науки. Однако он утверждает, что "вся познаваемая природа едина; что одни и те же вечные, неизменные законы действуют в жизни животных и растений, в образовании кристаллов и энергии пара; во всей сфере биологии, зоологии и ботаники. Следовательно, у нас есть право твердо придерживаться монистической и механической точки зрения, независимо от того, решат ли люди называть эту систему материализмом или нет. В этом смысле все естественные науки, во главе которых стоит закон причинности, насквозь материалистичны". (стр. 32)

Монистическую теорию он называет "механической или причинной" в отличие от дуалистической теории, которую он называет "телеологической или виталистической". По словам последнего, "растительный и животный миры рассматриваются как продукты креативного агентства, работающего с определенным дизайном. При взгляде на организм неизбежным кажется убеждение, что столь искусно сконструированная машина, такой сложный рабочий аппарат, каким является организм, мог быть создан только с помощью механизма, аналогичного человеческому, хотя и гораздо более совершенного, чем человеческий". "Это, - говорит он, - предполагает, что Творец является организмом, аналогичным человеку, хотя и бесконечно более совершенным; который созерцает свои формирующие способности, составляет план машины, а затем, используя соответствующие средства, производит эффект, соответствующий заранее разработанному плану.... Как бы высоко ни был вознесен Творец, эта точка зрения предполагает приписывание Ему человеческих качеств, в силу которых он может сформировать план и сконструировать организмы, соответствующие ему. Это точка зрения, которой прямо противоречит доктрина Дарвина и самым важным сторонником которой среди натуралистов является Агассис. Знаменитая работа Агассиса "Очерк классификации", которая находится в прямой оппозиции к дарвиновской и появилась примерно в то же время, в высшей степени логично развила абсурдную антропоморфную доктрину Творца". (стр. 17)

Монистическую теорию называют "механической и причинной", потому что она предполагает, что все явления Вселенной, органические и неорганические, растительные и животные, витальные и ментальные, обусловлены механическими или обязательно действующими причинами (*causæ efficientes*); точно так же дуалистическую теорию называют "телеологической или виталистической", потому что она относит природные организмы к причинам, работающим для достижения заданной цели (*causæ finales*). (стр. 67)

Величайшей трудностью на пути к механической, или монистической теории, было появление бесчисленных организмов, по крайней мере, внешне указывающих на замысел. Чтобы преодолеть эту трудность, говорит Геккель, некоторые из тех, кто не мог поверить в творческий и контролирующий разум, приняли идею метафизического призрака, называемого жизненной силой. Великая услуга, оказанная Дарвином науке, заключается в том, что его теория позволяет нам объяснять проявления замысла в природе, не предполагая конечных причин или разума, работающего ради предвиденной и намеченной цели. "Все, что появилось до Дарвина, - говорит он, - не смогло обеспечить успеха и встретить всеобщее признание доктрины механического происхождения растительных и животных организмов. Это было достигнуто с помощью теории Дарвина". (стр. 20)

Точная трудность, которую доктрина мистера Дарвина, согласно Геккелю, позволила преодолеть людям науки, таким образом, ясно изложена на стр. 633. Она заключается в том, что "органы для определенной цели должны создаваться непреднамеренными или механическими причинами". Эта трудность преодолевается доктриной эволюции. "Благодаря теории происхождения мы впервые смогли установить монистическую доктрину о единстве природы, согласно которой механико-причинное объяснение самых сложных организмов, например, формирования и строения органов чувств, представляет не больше трудностей для общего понимания, чем механическое объяснение любого физического процесса, такого, например, как землетрясения, направление ветров или морские течения. Таким образом, мы приходим к убеждению в последней важности, что все природные тела, с которыми мы знакомы, в равной

степени наделены жизнью (gleichmässig belebt sind); что различия между живой и мертвой материей не существует. Когда камень подбрасывается в воздух и падает по определенным законам на землю, или когда раствор соли образует кристалл, результатом является ни много ни мало механическое проявление жизни, как цветение растения, зарождение или чувствительность животных, или чувства или умственная деятельность человека. В таком установлении монистической теории природы заключается высшая и наиболее всеобъемлющая заслуга доктрины происхождения, реформированной Дарвином". (стр. 21) "Что касается столь хваленого замысла в природе, то он является реальностью только для тех, чьи взгляды на животную и растительную жизнь в высшей степени поверхностны. Любой, кто глубже изучил организацию и жизнедеятельность животных и растений, кто познакомился с действием и реакцией на жизненные явления и с так называемой экономией природы, неизбежно приходит к выводу, что замысла не существует, как и хваленой доброты Творца" (die vielgerühmte Allgüte des Schöpfers). (стр. 17)

Профессор Хаксли в своей рецензии на эту работу Геккеля, уже цитировавшуюся, говорит: "Я не хотел бы заканчивать, не напомнив читателю о моем полном согласии с общим содержанием и духом работы и о моей высокой оценке ее ценности". Если вы возьмете из книги Геккеля его доктрину монизма, которая, по его собственным словам, означает материализм, в ней нет ни "содержания, ни духа". Однако не нам говорить, как далеко профессор Хаксли намеревался зайти в своем одобрении.

Геккель говорит, что теория эволюции Дарвина неизбежно ведет к атеизму и материализму. Мы думаем, что в этом он прав. Но мы не имеем ничего общего ни с логикой Геккеля, ни с нашей собственной. Мы не выдвигаем никаких обвинений против мистера Дарвина. Мы ссылаемся на Геккеля просто как на свидетельство того факта, что дарвинизм предполагает отрицание конечных причин; что он исключает любой разумный замысел в создании органов растений и животных и даже в создании души и тела человека. Этот первый из немецких естествоиспытателей занял бы странное положение в глазах всей Европы, если бы после превознесения книги до небес за то, что она учит определенной доктрине, оказалось, что книга вообще не учит такой доктрине.

СНОСКИ:

[29] *Наука о природе против науки о человеке*. Автор: Ноа Портер, президент Йельского колледжа. Нью-Йорк, 1871, стр. 29.

[30] *Natürliche Schöpfungsgeschichte*. Von Dr. Ernst Haeckel, Professor in der Universität Jena. Zweite Auflage, Berlin, 1873, pp. 8, and 9.

Противники дарвинизма.

Герцог Аргайлл.

Когда образованные люди берутся опровергнуть определенную систему, следует предположить, что они дают себе труд выяснить, что это за система. Поскольку сторонники теории мистера Дарвина защищают и приветствуют ее, потому что она исключает замысел, и поскольку ее противники выдвигают это в качестве основного основания своих возражений

против нее, не может быть никаких разумных сомнений относительно ее реального характера. Вопрос в том, как следует учитывать существующие в природе ухищрения? Один из ответов таков: они обусловлены замыслом Бога. мистер Дарвин говорит, что они обусловлены постепенным и непреднамеренным накоплением незначительных вариаций. Первое возражение герцога против этой доктрины состоит в том, что доказательства замысла органов растений и животных настолько очевидны, что сам мистер Дарвин не может удержаться от использования телеологического языка. "Он исчерпывает, - говорит он, - все формы слов и иллюстраций, с помощью которых можно описать намерение или ментальную цель. "Изобретательность", "прекрасное изобретение", "любопытное изобретение" - это выражения, которые встречаются снова и снова. Вот одно предложение, описывающее конкретный вид (орхидей): " Лабеллум развит *для того*, чтобы привлекать чешуекрылых; и вскоре мы увидим основания предполагать, что нектар намеренно находится в таком состоянии, что его можно высасывать только медленно, *чтобы* дать веществу затвердеть и высохнуть." "[31] Мы уже видели, что ответ м-ра Дарвина на это возражение заключается в том, что трудно удержаться от персонификации природы и что эти выражения, используемые им, означают не больше, чем подразумевают химики, когда они говорят о сродстве и предпочтении одного элемента другому.

Второе возражение состоит в том, что вариация не была бы полезной для особи, у которой она случайно возникает, если бы другие вариации не возникали в нужное время и в нужном порядке; и что совпадение стольких случайностей, которые требуются для объяснения бесконечного разнообразия форм у растений и животных, совершенно невысказано.

Третье возражение состоит в том, что вариации часто относятся не к организму самого животного, а к другим организмам. "Возьмем один пример, - говорит он, - из миллионов. Яд смертоносной змеи — давайте на мгновение задумаемся, что это такое. Это секреция, обладающая определенными химическими свойствами, относящимися не только — даже не главным образом — к организму животного, в котором она вырабатывается, но особенно к другому животному, которое она предназначена уничтожить ". "Каким образом, - спрашивает он, - закон роста совместит яд в одном животном с таким тонким знанием организации другого, что смертельный вирус за несколько минут свернет кровь, парализует нервы и ворвется в цитадель жизни?" Есть только одно объяснение: разум, обладающий мельчайшими и совершенными знаниями о структуре обоих, сконструировал одно так, чтобы оно было способно причинять смерть другому. Эта ментальная цель и решимость - единственное, что наш интеллект воспринимает прямым и интуитивным распознаванием. Метод творения, с помощью которого эта цель была реализована, совершенно неизвестен ". [32]

Четвертое возражение относится к красоте. Согласно мистеру Дарвину, цветы не создаются намеренно красивыми, но те, которым посчастливилось быть красивыми, привлекают насекомых, с их помощью оплодотворяются и выживают. Самцов птиц намеренно не выкрашивают в яркие цвета, но те, которые так яркопросвечиваются, привлекательны и, таким образом, становятся прародителями своей расы. Против этого объяснения герцог горячо протестует. Он относится к классу великолепно украшенных колибри, из которых натуралисты насчитывают не менее четырехсот тридцати различных видов, отличающихся друг от друга, в общем, только своим оперением. "Итак, - спрашивает он, - какое объяснение дает закон естественного отбора, я не буду говорить о происхождении, но даже о продолжении существования таких специфических разновидностей, как эти? Абсолютно никакого. Гребень из топаза ничуть не лучше в борьбе за существование, чем гребень из сапфира. Оборка,

заканчивающаяся изумрудными блестками, ничуть не лучше в жизненной битве, чем оборка, заканчивающаяся рубиновыми. Хвост не влияет на полет, независимо от того, украшены ли его краевые или центральные перья белым. Такие разновидности невозможно подчинить какому-либо известному нам физическому закону. Однако это имеет отношение к Цели, которая находится в тесной аналогии с нашими знаниями о цели в деяниях людей. Простая красота и простое разнообразие сами по себе являются объектами, к которым мы сами стремимся, когда можем подчинить силы природы их достижению. Кажется, нет никакой мыслимой причины, по которой мы должны сомневаться в том, что это цели также в формах, данных живым организмам, когда факты соответствуют этой точке зрения и ни с какой другой".^[33]

Следует заметить, что все эти возражения относятся к отрицанию телеологии со стороны мистера Дарвина. Если бы его теория допускала, что организмы в природе возникли по божественному замыслу, возражения были бы лишены всякого смысла.

Есть пятое возражение. Согласно теории Дарвина, органы образуются в результате медленного накопления непреднамеренных вариаций, которые оказываются благоприятными для субъекта их применения в борьбе за жизнь. Но во многих случаях эти органы, вместо того чтобы приносить пользу, вредны или громоздки до полного развития. Возьмем, к примеру, крыло птицы. В своем зачаточном состоянии он не пригоден ни для плавания, ни для ходьбы, ни для полетов. Итак, как говорит Дарвин, потребовались миллионы лет, чтобы довести глаз до совершенства, сколько же времени потребовалось, чтобы сделать полезным рудиментарное крыло? Недостаточно сказать, что эти рудиментарные органы могли соответствовать условиям, в которых существовало животное во время процесса формирования. Это совершенно произвольно. Это не имеет под собой никакой фактической основы. Мы знаем только три вида передвижения: в воде, по земле и по воздуху; для всех этих целей наполовину сформированное крыло было бы препятствием.

Герцог посвящает почти целую главу своей интересной книги рассмотрению "приспособлений к полетам". Условия для обеспечения регулируемого передвижения в атмосфере настолько многочисленны, настолько сложны и настолько противоречивы, что человеческая изобретательность никогда не позволяла решить эту проблему. В строении птицы это решено до совершенства. Поскольку мы не приводим телеологический аргумент, а лишь приводим доказательства того, что дарвинизм исключает телеологию, мы не можем следить за деталями, которые доказывают, что крыло олуша или стрижа - почти такой же замечательный образец изобретательности, как глаз орла.

СНОСКИ:

^[31] *Верховенство закона*. Лондон, 1867, стр. 40.

^[32] *Верховенство закона*. Лондон, 1867, стр. 37.

^[33] *Господство закона*, стр. 247, 248.

Агассис.

Всем известно, что прославленный Агассис, над недавней могилой которого оплакивает мир, с самого начала был явным и серьезным противником теории мистера Дарвина. Он писал как натуралист, и поэтому его возражения в основном направлены против теории эволюции, которую он считал не только лишенной какой-либо научной основы, но и подрывающей наиболее устоявшиеся факты зоологии. Тем не менее очевидно, что его рвение было значительно усилено его опасением, что теория, которая стирает все доказательства бытия Бога из творений природы, ставит под угрозу веру в саму эту великую доктрину. Преподобный доктор Пибоди в речи, произнесенной по случаю похорон профессора Агассиса, сказал: "Я не могу завершить это поспешное и неадекватное, но пылкое и сердечное посвящение, не вспомнив вашей памяти тот благоговейный дух, с которым он продолжал свои научные труды. Почти сорок лет назад в своей первой большой работе об ископаемых рыбах, посвященной разработке принципов классификации, он писал в цитатах: "Невидимая нить во все века проходит через это огромное разнообразие, демонстрируя в качестве общего результата постоянный прогресс в развитии, заканчивающийся человеком, четыре класса позвоночных представляют собой промежуточные ступени, а беспозвоночные являются постоянным вспомогательным сопровождением. Разве мы не являемся здесь проявлением разума столь же могущественного, сколь и плодovitого? акт интеллекта столь же возвышенный, сколь и предусмотрительный? признаки доброты, столь же бесконечной, сколь и мудрой? наиболее осязаемая демонстрация существования личного Бога, автора всего этого; правителя вселенной и распределителя всех благ? По крайней мере, это то, что я прочел в "Произведениях творения". И это было то, что он когда-либо читал, и с глубоким благоговением. Этой возвышенной вере он был непреклонно предан. Законы природы были для него вечным Словом Божьим.

Его отвращение к дарвинизму в значительной степени выросло из его опасения относительно его атеистической тенденции — опасения, которое, признаюсь, я не могу разделить; ибо я не забываю, что эти теории, ныне набирающие силу, поддерживаются немалым количеством набожных христиан, и хотя они кажутся мне недоказанными и неспособными к доказательству, я мог бы принять их, не расставаясь ни на йоту со своей верой в Бога и Христа. И все же я не могу не сочувствовать ему в том духе, в котором он сопротивлялся тому, что казалось ему низостью по отношению к властелину вселенной. Его вера также не была теоретической. Вся его жизнь, в ее широкой филантропии, в ее всепроникающем духе служения, в ее верности трудным надеждам и обязанностям, а также в ее простоте и правдивости, свидетельствовала о том, что он сознательно выполнял миссию Бога перед своими ближними".

Слова "эволюция" и "дарвинизм" так часто используются в этой стране, но не в Европе, как взаимозаменяемые, что вполне возможно, что доктор Пибоди мог сохранить свою веру в Бога и все же признать доктрину эволюции. Но немыслимо, чтобы какой-либо человек принял главный элемент теории мистера Дарвина, а именно отрицание всех конечных причин и утверждение, что с момента первого сотворения материи и жизни Бог предоставил вселенную контролю неразумных физических причин, так что все явления растений и животных, все, что есть в человеке, и все, что когда-либо происходило на земле, обусловлено физической силой, и все же сохранил свою веру во Христа. Согласно этой теории, не было никакого сверхъестественного откровения, никаких чудес; Христос не воскрес, и мы все еще пребываем в своих грехах. За границей этот вопрос рассматривается не так. Христиане Германии говорят,

что единственная альтернатива, которую оставляют нам эти теории, - это язычество или христианство; "Heidenthum oder Christenthum, Die Frage der Zeit".

Джанет.

Джанет, профессор философии, является автором книги о материализме Бюхнера.^[34] Большая часть последней главы его работы посвящена дарвинизму. Он говорит: "Доктор Бюхнер ссылался на (книгу Дарвина) как на поразительное подтверждение своей доктрины". (стр. 154) В чем заключается доктрина Бюхнера, было показано на предыдущей странице. Точки совпадения между системой Дарвина и его собственной заключаются в том, что оба рассматривают разум как простую функцию живой материи; и оба относят все органы и организмы живых существ к бессознательному, неразумному действию физических причин. Бюхнер объяснял сложные органы следующим образом: "энергия элементов и сил материи, которые в своем роковом и случайном возникновении должны были породить бесчисленные формы, которые должны были взаимно ограничивать друг друга и, по-видимому, соответствовать одна другой, как если бы они были созданы для этой цели. Из всех этих форм сохранились только те, которые были каким-то образом приспособлены к условиям среды, в которую они были помещены". (стр. 30) Это очень неуклюже. Неудивительно, что Бюхнер предпочел метод Дарвина. Две системы, действительно, совершенно одинаковы, но у мистера Дарвина есть гораздо более выигрышный способ изложения этого.

Профессор Джанет, по-видимому, не имеет особых возражений против доктрины эволюции как таковой; именно отрицание телеологии он считает фатальным элементом теории мистера Дарвина. "По нашему мнению, - говорит он, - истинным камнем преткновения в теории м-ра Дарвина, опасным и скользким моментом является переход от искусственного отбора к естественному; это происходит тогда, когда он хочет установить, что слепая и бесцельная природа смогла добиться при стечении обстоятельств тех же результатов, которых человек достигает благодаря вдумчивому и хорошо рассчитанному трудолюбию". (стр. 174)

Ближе к концу своей книги он говорит: "В заключение мы приведем общее наблюдение. Несмотря на многочисленные возражения, выдвинутые нами против теории мистера Дарвина, мы не заявляем о своей враждебности системе, единственными компетентными судьями которой являются зоологи. Мы ни за, ни против трансмиссии видов, ни за, ни против принципа естественного отбора. Единственный положительный вывод из наших дебатов таков: ни один известный до сих пор принцип, ни действие средств массовой информации, ни привычка, ни естественный отбор, не могут объяснить органические адаптации без вмешательства принципа завершенности. Естественный отбор, неуправляемый, подчиняющийся законам чистого механизма и определяемый исключительно случайностями, представляется мне под другим именем случайностью, провозглашенной Эпикуром, столь же бесплодной, столь же непостижимой; с другой стороны, естественный отбор, заранее направляемый предусмотрительной волей, направленный к точной цели преднамеренными законами, мог бы быть средством, выбранным природой для перехода от одной стадии бытия к другой, от одной формы к другой, для доведения до совершенства жизни во всей вселенной и для подъема в результате непрерывного процесса от монады к человеку. Теперь я спрашиваю самого мистера Дарвина, какой интерес у него в утверждении, что естественный отбор не управляем — не

направляем? Какой у него интерес в замене каждой конечной причины случайными причинами? Я не вижу. Пусть он признает, что как в естественном, так и в искусственном отборе могут быть выбор и направление; его принцип немедленно становится гораздо более плодотворным, чем это было раньше. Таким образом, его гипотеза, хотя и обладает преимуществом, заключающимся в освобождении науки от необходимости представлять личное и чудесное вмешательство Бога в сотворение каждого вида, все же была бы свободна от изгнания из вселенной всепрощающей мысли и подчинения всего слепому и грубому случаю". (стр. 198, 199) Профессор Джанет требует от мистера Дарвина слишком многого. Просить его отказаться от отрицания конечных причин - все равно что просить католиков отказаться от папы Римского. Этот принцип - жизнь и душа его системы.

СНОСКА:

[34] *Материализм наших дней: критический анализ системы доктора Бюхнера*. Автор: Поль Жане, сотрудник Института Франции, профессор философии Парижского литературного факультета. Переведено с французского Гюставом Массоном, Б.А. Лондон и Париж, 1867.

М. Флоуренс.

М. Флоуренс, недавно умерший, был одним из первых и наиболее ярых противников дарвинизма. He published in 1864 his "Examen du Livre de M. Darwin sur l'Origine des Espèces." Его положение члена Французской академии и бессменного секретаря Академии наук, или Института Франции, подтверждает его высокое положение среди французских естествоиспытателей. Его связь с Ботаническим садом расширила возможности для биологических экспериментов. Результатом его собственного опыта, а также опытом, опытом других наблюдателей, был, как он выражается, его торжественное убежденность в том, что виды являются фиксированными и не превращать. Никакое хитроумное устройство не могло бы сделать гибриды фертильными. "Они никогда не создают промежуточных видов". Следовательно, его внимание в основном направлено на доктрину эволюции. Тем не менее, он не менее поражен тем, как Дарвин исключает всякий разум и замысел в своей манере говорить о природе. По этому поводу он цитирует Кювье, который говорит: "Природа была персонифицирована. Живые существа были названы творениями природы. Общее отношение этих существ друг к другу стало законами природы. Таким образом, рассматривая Природу как существо, наделенное разумом и волей, но в силу своей ограниченности и второстепенности, можно сказать, что она непрестанно следит за выполнением своей работы; что она ничего не делает напрасно и всегда действует самыми простыми средствами.... Легко видеть, насколько ребяческими являются те, кто придает природе вид индивидуального существования, отличный от Творца, и от закона, который Он наложил на движения и особенности форм, данных Им живым существам, и который Он заставляет действовать на их тела с особой силой и разумом". Писатели старшего поколения, говорит Флоуренс, говоря о Природе, "описывали ее склонности, намерения, взгляды, ужасы (вакуума), спорт" и т. Д. Он говорит, что одна из главных целей его книги - показать, как мистер Дарвин "вводил в заблуждение себя и, возможно, других, постоянным злоупотреблением образным языком". "Он играет с Природой, как ему заблагорассудится, и заставляет ее делать все, что он пожелает". Когда мы вспоминаем, что

мистер Дарвин определяет Природу как совокупность физических сил, мы видим, как, приписывая все Природе, он фактически исключает сверхъестественное.

В своем томе "Мирские проповеди, обзоры" и т.д. профессор Хаксли очень сурово критикует книгу М. Флуоренса. Однако он мало говорит о телеологии, за исключением одного абзаца, в котором мы читаем: "М. Флуранс не может представить себе бессознательный отбор; для него это противоречие в терминах". Ответ Хаксли таков: "Ветры и волны Бискайского залива не обладают большим сознанием, и все же они с большой осторожностью "отобрали" из бесконечных масс силекса все песчинки меньше определенного размера и сами разбросали их по большой площади.... Морозная ночь отбирает выносливые растения на плантации из числа нежных так же эффективно, как если бы разум садовника срезал более слабые ". [35] Если это что-то и значит, так это то, что подобно тому, как ветры и волны Бискайского залива могут насыпать кучи песка, так и аналогичные бессознательные силы могут, если вы только дадите им достаточно времени, создать слона или человека; ибо это то, что, по словам мистера Дарвина, сделал естественный отбор.

СНОСКА:

[35] *Проповеди мирян*, стр. 347.

Преподобный Уолтер Митчелл, магистр медицины, вице-президент Института Виктории.

Институт Виктории, или Философское общество Великобритании, находящееся под председательством графа Шефтсбери, включает в число своих членов многих высокопоставленных лиц Англиканской церкви и большое количество выдающихся людей различных профессий и вероисповеданий. Его главная цель состоит в том, "чтобы полностью и беспристрастно исследовать наиболее важные вопросы философии и науки, но особенно те, которые имеют отношение к великим истинам, раскрытым в Священном Писании, с целью защиты этих истин от противодействия ложно называемой Науки". Институт проводит собрания раз в два месяца, на которых зачитываются доклады по какой-либо важной теме, а затем выносятся на критику и обсуждение. Эти документы, многие из которых являются очень подробными, опубликованы в журнале Transactions of the Institute вместе с полным отчетом о дискуссиях, к которым они привели. Уже опубликовано шесть томов, изобилующих ценной и разнообразной информацией.

Допускается очень значительная широта мнений. Следовательно, в Трудах мы находим статьи за и против эволюции, — за и против дарвинизма. Было бы легко процитировать выдержки, относящиеся к нашей теме, которых более чем достаточно, чтобы заполнить объем, намного превышающий настоящий. Мы должны довольствоваться несколькими цитатами из обсуждения статьи в пользу достоверности дарвинизма, [36] и еще одна в пользу доктрины эволюции. [37] Подводя итоги дебатов по этим двум темам, председатель, преподобный Уолтер Митчелл, представил с большой ясностью и убедительностью свои доводы в пользу того, чтобы считать дарвинизм невероятным и невозможным. В своих пространственных замечаниях он противопоставляет учение Священного Писания об остатках Творения и учение Дарвина о происхождении видов. Таким образом, он излагает библейское учение по этому вопросу: "Если,

- говорит он, - наука - это другое название истинного знания; если наука - это стремление к здоровой мудрости; если наука - это стремление к самой истине; я говорю, что человек не имеет права отвергать ничего истинного, потому что это благоухает Богом. Итак, что же это за гипотеза — более древняя, чем гипотеза Дарвина, — которая действительно и только она объясняет все наблюдаемые факты или все то, что мы можем прочесть, записанное в книге Природы? Она заключается в том, что Бог сотворил все вещи очень хорошими; что Он создал каждое растение по своему подобию; что Он создал каждое животное по своему подобию; что Он допустил определенные законы вариации, но что Он установил строгие, хотя и невидимые и неодолимые барьеры, которые препятствуют разгулу этой вариации и которые включают ее в строгие и четко определенные пределы. Это гипотеза, которая объяснит все, что мы узнали из творений Природы. Она признает разумное Существо автором всех творений, как одушевленных, так и неодушевленных; она не оставляет в одушевленном мире нераскрытых тайн. Есть одна вещь, о которой говорит человеку как живой, так и неживой мир, одна вещь, которая повсюду ясно зафиксирована, стоит нам только прочесть ее, и это отпечаток замысла, замысла бесконечной мудрости. Любая теория, которая приходит с попыткой игнорировать замысел, проявленный в Божьем творении, - это теория, я говорю, которая пытается свергнуть Бога с престола. Теория Дарвина действительно пытается это сделать. Если нас спросят, как наша старая теория объясняет такое единообразие дизайна среди такого ошеломляющего разнообразия, которое мы находим в природе, мы ответим, что это можно объяснить только при одном допущении, что все это произведение одного Автора, построенное, так сказать, в одном стиле; что оно представляет собой единство одного разума с бесконечной способностью наиболее совершенным образом приспособлять все свои произведения для целей, для которых они были созданы ". "Уэвелл смело утверждал, и с ним никто не спорил, что все реальные достижения в таких науках, как физиология и сравнительная анатомия, — такие, как успехи Харви в открытии циркуляции крови, — были достигнуты теми, кто не только верил в существование замысла, повсеместно проявляющегося в животном мире, но и руководствовался этой верой при совершении своих открытий".

Обсуждая статью мистера Хенслоу об эволюции, он говорит: "Говоря об этой статье, я должен отдать должное чрезвычайно почтительному тону, в котором автор обсуждал этот предмет, и я хотел бы, чтобы все подобные темы обсуждались в подобном тоне. Точка зрения, которую выдвигает г-н Хенслоу, однако, не представляется очень оригинальной. Это был первый взгляд, когда-либо выдвинутый на доктрину эволюции, и я был первым, кто указал на то, что вся доктрина носит ретроградный характер. Весь тон и характер этой статьи, за исключением того, что касается атрибутов и морального правления Бога,^[38] - это не что иное, как тот же взгляд на доктрину эволюции, который произвел такую сенсацию в этой стране, когда вышла эта знаменитая книга "Следы творения". Насколько я могу понять аргументы мистера Дарвина, они просто были попыткой опровергнуть теорию эволюции. постарайтесь исключить из идеи эволюции личную работу Божества. Все его усилия были направлены на то, чтобы все дальше и дальше скрывать Творца из поля зрения. Самая трудоемкая часть попытки Дарвина рассуждать, — ибо это не настоящее рассуждение, — самая трудоемкая часть его логики и рассуждений направлена на то, чтобы устранить идею замысла так же совершенно, как это пытался сделать любой из атеистических авторов. Теперь, оставляя в стороне откровение, манера, с которой неизвестный автор "Остатков творения" трактовал этот предмет, удовлетворительно показала, что доктрина эволюции сама по себе не была атеистической доктриной и не отрицала существование замысла. Насколько я мог понять и разобрать, внимательно прочитав книгу в

момент ее выхода и впоследствии, а также тщательно проанализировав и сравнив ее и книгу мистера Дарвина друг с другом, насколько я мог это понять, доктрина автора "Остатков творения" заключалась просто в том, что Бог сотворил все вещи, и что когда Он создавал материю, Он наложил на нее определенные законы; что материя, эволюционируя в соответствии с этими законами, должна производить существа и органы, взаимно приспособленные друг к другу и к миру; и что каждое последующее развитие, которое должно было произойти, было по существу предвидено, и что каждое последующее развитие, которое должно было произойти, было предопределено. предуведомленный и предопределенный Божеством. Его идея, например, об эволюции глаза из более простого органа заключалась в том, что конечный глаз — например, глаз человека — должен был стать совершенным оптическим инструментом, и что его совершенство зависело от предыдущего замысла Создателя, что в определенный период он должен появиться в теле, вполне приспособленном для его целей. Есть один вопрос, — и не единственный, но мы должны рассматривать его как важный вопрос, — можете ли вы поддерживать доктрину эволюции, которая не должна быть атеистической и которая допускает великий аргумент замысла? Это одно, но следующий вопрос заключается в том, согласуется ли подобная доктрина либо с откровением, либо с фактами науки? Я не верю, что это можно согласовать с тем, что мы считаем открытым Словом Божьим, и я не верю, что хотя бы в малейшей степени было доказано, что эта доктрина согласуется со здоровой наукой".

Что касается теории м-ра Дарвина, то из уже процитированных отрывков очевидно, что он считает ее характерной чертой не эволюцию и даже не естественный отбор, а отрицание телеологии или разумного контроля. М-р Дарвин признает первоначальное создание одной или нескольких форм жизни; и м-р Митчелл в своих комментариях к защите м-ром Уорингтоном своей теории, спрашивает: "Почему я должен ограничивать работу Творца одновременным или последовательным созданием десяти или двенадцати этапов одушевленного творения? Да просто с целью уклониться от доказательств замысла, проявляющегося в приспособлении всех органов каждого живого существа к его потребностям, что может быть сделано только с помощью такой невероятной гипотезы, как гипотеза мистера Дарвина. Я бесстрашно заявляю, что любая гипотеза, которая требует от нас признать, что формирование таких сложных органов, как глаз, ухо, сердце, мозг, со всеми их чудесными структурами и механическими приспособлениями к потребностям обладающих ими существ, также в такой совершенной гармонии с законами неорганической материи, не дает никаких доказательств замысла; что такие структуры могли быть созданы путем постепенных случайных улучшений, увековеченных законом передачи и усовершенствованных уничтожением существ, менее благоприятно одаренных, настолько невероятна, что я поражаюсь, найдя какого-либо мыслящего человека, способного принять это за одно-единственное мгновение." Бесполезно умножать цитаты. Дарвинизм никогда не упоминается ни формально, ни случайно, чтобы его исключение замысла при формировании живых организмов не выдвигалось в качестве главного возражения против всей теории.

СНОСКИ:

[36] *Достоверность дарвинизма*. Джордж Уорингтон, эсквайр, F. C. S., M. V. I.

[37] *О некоторых аналогиях между Методами Божества в природе и Откровением.*
Преподобный Г. Э. Хенслоу, М. А., F. L. S., M. V. I.

[38] Вторая часть статьи мистера Хенслоу касается "методов Божества, открытых нам в Библии".
То же самое в значительной степени верно и в отношении его работы "*Теория эволюции*".

Директор Доусон.

Доктор Доусон, как нам сообщили, считается первым палеонтологом и одним из первых геологов Америки. В своей "Истории Земли и человека", [39] он проводит обзор нескольких геологических периодов, признанных геологами; описывает, насколько это возможно, распределение суши и воды в течение каждого периода, а также растительные и животные производства, которыми они отличались. Его книга от начала до конца антидарвинистская. Как и у других натуралистов, его внимание направлено главным образом на доктрину эволюции, которую он пытается доказать как совершенно несостоятельную. То, что теория мистера Дарвина исключает телеологию, повсеместно принимается как неоспоримый факт. "Эволюционистская доктрина, - говорит он, - сама по себе является одним из самых странных явлений человечества. Это существовало, и наиболее естественно, в древнейшей философии и поэзии, в связи с самыми грубыми и некритичными попытками человеческого разума постичь систему природы; но то, что в наши дни система, лишенная какой-либо тени доказательства и поддерживаемая лишь смутными аналогиями и фигурами речи, а также произвольной и искусственной связью своих собственных частей, должна быть принята как философия и должна найти способных приверженцев, чтобы нанизать на нить ее гипотез наши обширные и весомые запасы знаний, чрезвычайно странно.... Во многих отношениях эти рассуждения важны и заслуживают внимания мыслящих людей. Они направлены на революцию в религиозных верованиях мира, и, если их принять, они разрушат большую часть существующей теологии и философии. Они указывают на тенденции среди научных мыслителей, которые, хотя, вероятно, и временные, должны, прежде чем исчезнуть, спуститься в низшие слои и воспроизвести себя в более грубых формах с наиболее серьезными последствиями для всей структуры общества. Для одного класса умов они составляют своего рода религию, которая пока удовлетворяет более высокую жажду истины, чем те, которые связаны с сиюминутными потребностями и удовольствиями. Другим и, возможно, более многочисленным классом они принимаются как дающие желанное избавление от всех угрызений совести и страхов перед загробной жизнью. В области науки эволюционизм имеет сходные тенденции. Это принижает положение человека, который становится потомком низших животных и простым звеном в ряду, конец которого неизвестен. Это устраняет из изучения природы идеи конечной причины и предназначения; и эволюционист, вместо того чтобы рассматривать мир как произведение совершенного плана, мастерства и приспособления, подходит к природе так, как он относился бы к хаосу упавших камней, которые могут представлять формы замков и гротескные профили людей и животных, но все они случайны и не имеют значения". (стр. 317, 318)

"Таким образом, принимая во внимание этот широкий взгляд на предмет, нам представляются две замечательные ведущие альтернативы. Либо человек является независимым продуктом воли Высшего Разума, действующим непосредственно или через законы и материалы своего собственного учреждения и производства, либо он был произведен в результате

бессознательной эволюции из низших вещей. Это правда, что многие эволюционисты, либо не желая оскорблять, либо не понимая логических последствий своей собственной гипотезы, пытаются придерживаться среднего курса и утверждать, что Творец шел путем эволюции. Но голая, жесткая логика Спенсера, величайшего английского авторитета в области эволюции, не оставляет места для этого компромисса и показывает, что теория, доведенная до ее законных последствий, исключает знание Творца и возможность его работы. Следовательно, мы должны выбирать между эволюцией и творением, помня, однако, о том, что в природе может быть место для эволюции, должным образом ограниченное, а также для других вещей, и что идея творения ни в коем случае не исключает закон и вторичные причины". (стр. 321)

"Можно сказать, что эволюция может рассматриваться как научная доктрина в связи с измененной верой в сотворение мира. Работа по реальному творению, возможно, была ограничена несколькими элементарными типами, а эволюция, возможно, сделала все остальное. Эволюционисты все еще могут быть теистами. Мы уже видели, что доктрина, доведенная до ее логических следствий, исключает сотворение мира и теизм. Однако можно показать, что даже в своей более измененной форме и когда ее придерживаются люди, утверждающие, что они не атеисты, она практически атеистична, поскольку исключает идею плана и замысла и сводит все к действию неразумных сил. Необходимо соблюдать это, потому что наиболее популярен половинчатый эволюционизм, который утверждает, что где-то за ним стоит создатель; хотя он, по возможности, более нефилософичен, чем тот, который утверждает, что исходит из абсолютного и определенного ничтожества или из самосущей звездной пыли, содержащей все возможности вселенной".

В связи с возражением эволюционистов о том, что происхождение каждого нового вида, согласно теистической доктрине, предполагает "чудо", вмешательство божественной силы без участия второстепенных причин, директор Доусон спрашивает: "Каково фактическое утверждение теории творения в том виде, в каком его может придерживаться современный человек науки? Просто это: что все вещи были созданы Высшей Созидательной волей, действующей либо непосредственно, либо с помощью сил и материала его собственного производства". (стр. 340)

Таким образом, он подводит итог своим аргументам против доктрины эволюции, особенно в ее применении к человеку: "Наконец, эволюционистская картина хочет получить некоторые из самых прекрасных черт человечества и обманывает нас, создавая видимость человека без учета реальности. Брейте и красьте свою обезьяну, как можете, одевайте ее и ставьте на ноги, и все же ей сильно не хватает "божественного облика человека-ху"; и так же обстоит дело с ним морально и духовно. Мы видели, что он хочет инстинкта бессмертия, любви к Богу, ментальной и духовной силы для осуществления господства над землей. Сама сила, с помощью которой он развивается, сама по себе подрывает все эти высшие свойства; борьба за существование по своей сути эгоистична и, следовательно, унижает достоинство. Даже у низших животных ошибочно полагать, что их тенденция заключается в возвышении; ибо животные, доведенные до крайней грани борьбы за жизнь, впадают в уныние и деградируют. Собака, которая проводит свою жизнь в злобной борьбе со своими собратьями-псами из-за недостатка пищи, не будет благородным представителем своей расы. Бог не так обращается со своими созданиями. Гораздо больше правды о природе содержится в доктрине, которая представляет Его как прислушивающегося к молодым воронам, когда они кричат, требуя пищи. Но применительно к человеку теория борьбы за существование и выживания наиболее приспособленных, хотя и

является наиболее популярной фазой эволюционизма в настоящее время, является не чем иным, как самым низменным и ужасным из суеверий. Это делает человека не просто плотским, но и дьявольским. Это забирает его самые низкие аппетиты и склонности и делает их его Богом и Творцом. Его высшие чувства и устремления, его самоотверженная филантропия, его энтузиазм во имя добра и истины, вся борьба и страдания героев и мучеников, не говоря уже о том самопожертвовании, которое является основой христианства, являются, с точки зрения эволюциониста, простой потерей и расточительством, неудачей в жизненной борьбе. Что он дает нам взамен? Бесконечная родословная зверообразных предков, без единого проблеска высокой и священной традиции, которая оживила бы это шествие; а что касается будущего, то перспектива того, что бедная масса протоплазмы, составляющая совокупность нашего существа и являющаяся единственным достижением неопределенной борьбы в прошлом, вскоре должна снова превратиться в низших животных или мертвую материю. То, что люди мысли и культуры должны отстаивать такую философию, свидетельствует либо о странной ментальной галлюцинации, либо о том, что высшая духовная природа в них полностью угасла. Это одно из самых печальных зрелищ, которые представляет наш век". (стр. 395)

СНОСКА:

[39] *История Земли и человека*. Автор: Дж. У. Доусон, доктор права, F. R. S., F. G. S., директор и вице-канцлер Университета Макгилла, Монреаль. Автор *археологии, геологии Академии* др. Второе издание. Лондон, 1873, стр. 397.

Отношение дарвинизма к религии.

Рассмотрение этого вопроса привело бы к широкому рассмотрению отношений между наукой и религией. В этой области нам не хватает компетентности и время ввода; несколько замечаний, однако по этому вопросу не может быть неуместным. Эти замечания мы хотели бы высказать в скромной форме иренической. Иреникум необходим, поскольку печально известен тот факт, что существует антагонизм между учеными как классом и религиозными людьми как классом. Конечно, это противодействие не ощущается и не выражается всеми ни с той, ни с другой стороны. Тем не менее, какова бы ни была причина этого антагонизма или кого бы ни обвиняли в нем, не может быть никаких сомнений в том, что он существует и что это зло.

Первая причина рассматриваемого отчуждения заключается в том, что две стороны, так сказать, принимают разные правила доказывания и, таким образом, вряд ли могут избежать прихода к разным выводам. Чтобы понять это, мы должны определить, что подразумевается под наукой и научными доказательствами. Наука, согласно ее этимологии, - это просто знание. Но употребление ограничило его значение, в первую очередь, не только знанием фактов или явлений, но и их причин и связей. В старину говорили: "*ὅτι scientiæ fundamentum, διὸτι fastigium*". Никакое количество материалов не могло бы составить здание. Они должны быть должным образом упорядочены, чтобы составить симметрично-метрическое целое. Никакое количество разрозненных данных не может составить науку. Эти данные должны быть систематизированы в их связи друг с другом и с другими вещами. Во-вторых, слово становится все более и более ограниченным знанием определенного класса фактов и их взаимосвязей, а именно фактов природы или внешнего мира. Это употребление не является универсальным и не закрепилось. Особенно в Германии слово *Wissenschaft* используется для обозначения всех

видов упорядоченного знания, будь то трансцендентальное или эмпирическое. Итак, мы привыкли говорить о ментальных, моральных, социальных науках, а также о естественных. Тем не менее, более ограниченное использование этого слова очень распространено и оказывает большое влияние. Важно, чтобы этот факт был признан. В общепринятом понимании человек науки особо отличается от метафизика. Один исследует явления материи, другой - явления разума, в соответствии со старым различием между физикой и метафизикой. Следовательно, наука - это упорядоченное знание явлений, которые мы распознаем с помощью органов чувств. Научный факт - это факт, воспринимаемый органами чувств. Научные доказательства - это свидетельства, адресованные органам чувств. На одном из собраний Института Виктории посетитель признался в своей неверии в существование Бога. Когда его спросили, какие доказательства его удовлетворили бы? он ответил: "Как раз такое доказательство, какое у меня есть, существования этого стакана, который я сейчас держу в руке. Преподобный мистер Хенслоу говорит: "Под наукой понимается исследование фактов и явлений, распознаваемых органами чувств, и причин, которые привели их к существованию".^[40] В этом основная причина проблемы. Если наука - это знание фактов, воспринимаемых органами чувств, и научных доказательств, свидетельств, адресованных органам чувств, то чувства являются единственными источниками знания. Любое убеждение, основанное на чем-либо ином, кроме показаний органов чувств, должно быть верой. Дарвин признает, что изобретения в природе можно объяснить предположением, что они являются результатом замысла со стороны Бога. Но, по его словам, это не было бы наукой. Геккель говорит, что для науки материя вечна. Если кто-то захочет сказать, что это было сотворено, прекрасно; но это вопрос веры, а вера - это воображение. Ульрихи цитирует выдающегося немецкого физиолога, который верит в витальные силы в отличие от физических; но он придерживается спонтанного зарождения, не потому, как он признает, что это доказано, а потому, что признание какой-либо высшей силы, кроме природы, ненаучно.^[41]

Неизбежно, что умы, пристрастные к научным исследованиям, будут иметь сильное предубеждение недооценивать любые другие свидетельства, кроме тех, что исходят от органов чувств, т. е. научных доказательств. Мы видели, что те, кто поддается этой тенденции, приходят к отрицанию Бога, к отрицанию разума, к отрицанию даже самого себя. Это правда, что подавляющее большинство людей, как ученых, так и других, настолько находятся под контролем законов своей природы, что не могут впасть в такую крайность. Однако тенденция ума, пристрастившегося к рассмотрению одного вида доказательств, становится более или менее нечувствительным к другим видам доказательств, неоспорима. Таким образом, даже Агассис, как зоолог и просто исходя из зоологических соображений, предположил, что между Гангом и Атлантическим океаном существует несколько зон, каждая из которых имеет свою собственную флору и фауну и населена человеческими расами, одинаковыми по виду, но разного происхождения. Когда специалисты по сравнительной филологии сказали ему, что это невозможно, потому что языки, на которых говорят в этом обширном регионе, демонстрируют, что его жители, должно быть, имели общее происхождение, он мог только ответить, что, поскольку утки крикают повсюду, он не может понять, почему люди не должны везде говорить на одном языке.

Еще более яркую иллюстрацию дает доктор Лайонел Бил, выдающийся английский физиолог. Он написал книгу объемом в триста восемьдесят восемь страниц с явной целью доказать, что явления жизни, инстинкта и интеллекта не могут быть отнесены ни к каким известным природным силам. Он признает свою веру в то, что в природе "разум управляет материей" и "в

существование никогда не меняющегося, всевидящего, направляющего силу и материю Всемогущества". Он признает свою веру в чудеса и "те чудеса, на которых основано христианство". Тем не менее, его вера во все эти пункты носит временный характер. Он говорит, что истинно научный человек, "если поддержание, непрерывность и природа жизни на нашей планете когда-нибудь в будущем будут полностью объяснены без допущения существования какого-либо такого сверхъестественного всемогущего влияния, был бы обязан принять новое объяснение и мог бы отказаться от старого убеждения".^[42] То есть все доказательства истинности религии, не основанных на природе и воспринимаемых органами чувств, ничего не значат.

Теперь, поскольку религия не основывается на свидетельствах чувств, то есть на научных доказательствах, ученые склонны игнорировать ее утверждения. Мы говорим только о тенденции. Мы рады знать или верить, что у сотен или тысяч ученых эта тенденция преодолевается их сознанием мужественности — убежденностью в том, что тело — это не человек, — интуицией разума и совести, а также милостью Божьей. Ни один класс людей не стоит заслуженно выше в общественном мнении, чем люди науки, которые, оставаясь верными своей высшей природе, расширили наши знания о чудесных делах Божьих.

Второй причиной отчуждения между наукой и религией является неспособность проводить должное различие между фактами и объяснением этих фактов или теорий, выведенных из них. Ни один здравомыслящий человек не оспаривает ни один научный факт. Религиозные люди, как и Агассис, верят, что факты священны. Это откровения от Бога. Христиане приносят им в жертву, при надлежащем подтверждении, свои самые заветные убеждения. В том, что земля движется, не сомневается ни один религиозный человек. Когда Галилей сделал это великое открытие, Церковь была права, не соглашаясь сразу с доказательствами эксперимента, которые она не понимала. Но когда этот факт был четко установлен, ни один человек не противопоставляет ему свое толкование Библии. Религиозные люди признают все факты, связанные с нашей солнечной системой; все факты геологии, сравнительной анатомии и биологии. Разве это не должно удовлетворить ученых мужей? Должны ли мы также принять их объяснения и выводы? Если мы признаем, что человеческий эмбрион проходит через различные фазы, должны ли мы признать, что человек когда-то был рыбой, затем птицей, затем собакой, затем обезьяной и, наконец, тем, кем он является сейчас? Если мы допускаем сходство строения у всех позвоночных, должны ли мы допустить эволюцию одного из них от другого, и все они произошли от первичного зародыша? Следует помнить, что факты исходят от Бога, а объяснения — от людей; и эти два явления часто так же далеки друг от друга, как Небо и его антипод.

Эти человеческие объяснения не только не имеют авторитета, но и очень изменчивы. Они меняются не только из поколения в поколение, но и почти так же часто, как фазы Луны. Это факт, что планеты движутся. Когда-то говорили, что ими двигали духи, затем вихри, а теперь саморазвивающиеся силы. Тяжело, что нас призывают менять нашу веру с каждым новолунием. Один и тот же человек иногда выдвигает теории почти так же быстро, как меняются цифры в калейдоскопе. Любезный сэр Чарльз Лайель, самый выдающийся геолог Англии, опубликовал десять изданий своих "Принципов геологии", которые настолько отличаются друг от друга, что трудно поверить, что это работа одного и того же ума. "Во всех изданиях вплоть до десятого он рассматривал геологические факты и феномены как доказательство постоянства видов и их особого возникновения во времени. В десятом издании, только что опубликованном, он объявляет о своем изменении мнения по этому вопросу и переходе к доктрине правового

развития".[43] "В восьмом издании своей работы, - говорит доктор Бри, - сэр Чарльз Лайелл, Нестор геологов, которому нынешнее поколение больше, чем кому-либо другому, обязано всем, что известно о геологии на ее продвинутой стадии, учит, что виды реально существуют в природе и что каждый был наделен во время своего создания атрибутами и организацией, благодаря которым он был создан". теперь это стало особенным". Следует отметить, что перемена, произошедшая со стороны этого выдающегося геолога, является всего лишь переменной мнения. Между публикацией восьмого и десятого изданий его работы не произошло никаких изменений в фактах геологии, равно как и в его знаниях об этих фактах. Все факты, на которые опираются эволюционисты, давно известны ученым. Все это изменение носит субъективный характер. В один год геолог-ветеран думает, что факты учат одному, в другой год он думает, что они учат другому. Сейчас это факт, и есть опасения, что он останется фактом и впредь, что ученые люди называют наукой свои объяснения так же, как и факты. Более того, они часто, и это естественно, более ревностно относятся к своим объяснениям, чем к фактам. Факты принадлежат Богу, объяснения - их собственным.

Третьей причиной отчуждения между религией и наукой является отношение людей науки к людям культуры, которые не принадлежат к их собственному классу. Когда мы в таких связях говорим о людях науки, мы имеем в виду не людей науки как таковых, а только тех, кто признает или проявляет свою враждебность к религии. Налицо предположение о превосходстве и часто проявление презрения. Те, кто ставит под сомнение свою логику или догадки, клеймятся как ограниченные, фанатичные, старые женщины, поклоняющиеся Библии и т.д.

Совет профессора Хаксли метафизикам и теологам заключается в том, чтобы оставить науку в покое. Это его Иреникум. Но оставляют ли он и его единомышленники метафизику и религию в покое? Они говорят метафизику, что его призвание ушло; такой вещи, как разум, не существует и, конечно, никаких ментальных законов, которые можно было бы установить. Метафизика сливается с физикой. Профессор Хаксли говорит религиозному миру, что существуют ошеломляющие доказательства (научные, конечно) того, что на этой земле никогда не происходило события, которое не было бы следствием естественных причин. Следовательно, чудес не было, и Христос не воскрес.[44] Он говорит, что доктрина о том, что вера в личного Бога необходима для любой религии, достойной этого названия, является всего лишь вопросом мнения. Тиндаль, Карпентер и Генри Томпсон учат, что молитва - это суеверный абсурд; Герберт Спенсер, которого они называют своим "великим философом", *то есть* человек, который разделяет их мышление, пытается доказать, что не может быть личного Бога, или человеческой души, или самости; что моральные законы - это просто "обобщения полезности", или, как говорит Карл Фогт, что самоуважение, а не воля Божья, является основой и правилом морального долга. Если кто-либо протестует против таких доктрин, нам говорят, что научная истина не может быть опровергнута путем доноса (или, как говорит Фогт, лаем). Так что, несомненно, фарисеи, когда наш благословенный Господь назвал их лицемерами и порождением ехиднины и сказал: "Вы обходите море и сушу, чтобы обратить в свою веру одного человека; и когда он становится обращенным, вы делаете его в два раза большим порождением ада, чем самих себя", несомненно, подумали, что это плохой способ опровергнуть их теорию о том, что святость и спасение должны быть обеспечены членством в церкви и церковными обрядами. Тем не менее, поскольку эти слова были словами Христа, они были ударом грома, который разнесся во все времена и пространстве и до сих пор заставляет трепетать фарисеев всех имен и наций. "Иреникум" Хаксли не подойдет. Людей, которые усердно отравляют источники религии, морали и общественного порядка, нельзя оставлять в покое.

Irenicum Геккеля примерно такой же, как у профессора Хаксли. Он запрещает говорить на эти жизненно важные темы всем, кто не досконально разбирается в биологии и кто не полностью освободился от оков своих давних традиционных верований.^[45] Это, как показывает весь контекст, означает, что человек, чтобы иметь право быть услышанным о теории эволюции, должен быть готов отказаться от своей веры не только в Библию, но и в Бога, в душу, в будущую жизнь и стать материалистом-монистом.^[46]

Вполне разумно, что ученые, наряду с юристами, врачами и другими профессионалами, должны чувствовать себя вправе быть выслушанными с особым уважением по вопросам, относящимся к их соответствующим ведомствам. В этом почтении никто не склонен отказывать людям науки. Но следует помнить, что ни одна область человеческого знания не является изолированной. Одна область пересекается с другой. У нас есть множество свидетельств того, что приверженцы естествознания не желают замыкаться на отделе природы в обычном смысле этого слова. Они не только спекулируют, но и догматизируют высшие вопросы философии, морали и религии. И далее, признавая особые претензии на почтение со стороны ученых мужей, другие люди имеют свои права. Они имеют право судить о последовательности утверждений людей науки и о логике их рассуждений. Они имеют право противопоставлять показания одного или нескольких экспертов показаниям других; и особенно они имеют право отвергать все спекуляции, гипотезы и теории, которые вступают в противоречие с устоявшимися истинами. Это основание глубокой благодарности Богу за то, что Он дал человеческому разуму непогрешимую интуицию, законы веры, которыми люди могут пренебрегать не больше, чем законами природы, а также убеждения, порожденные Духом Бога, которые не может ослабить никакая софистика человека. Это барьеры, которые ни один человек не может преодолеть, не погрузившись в бездну внешней тьмы.

Если в предыдущих замечаниях есть хоть капля правды, то очевидно, что между наукой и религией не может быть гармонии до тех пор, пока не будет устранено упомянутое зло. Ученые должны прийти к осознанию на практике, а не только на словах, что существуют другие виды доказательств истины, помимо показаний органов чувств. Они должны прийти к тому, чтобы придавать должное значение свидетельству сознания и интуиции разума и совести. Они должны перестать требовать, чтобы их рассуждениям и объяснениям уделялось должное внимание, связанное с установленными фактами. И они должны относиться к своим ближним с должным уважением. Фарисеи сказали человеку, чье зрение было восстановлено Христом: "Ты был полностью рожден во грехе, и ты учишь нас!" Люди науки не должны так говорить. Они не должны говорить каждому возражающему: "Ты не ученый и, следовательно, не имеешь права говорить". Истинный Иреникум для всех сторон состоит в том, чтобы уделять должное внимание таким словам, как эти: "Если кто хочет быть мудрым, пусть станет глупцом, чтобы стать мудрым"; или эти: "Обратитесь и станьте как малые дети"; или эти: "Дух Истины будет вести вас во всякой истине". Мы готовы услышать это, называемое косноязычием. Тем не менее, эти последние слова сорвались с уст Того, Кто говорил так, как никогда не говорил человек.

Так много и в то же время очень мало по общему вопросу об отношении науки к религии. Но что следует думать об особом отношении теории мистера Дарвина к истинам естественной и богооткровенной религии? Мы уже видели, что дарвинизм включает в себя три элемента: эволюцию, естественный отбор и отрицание замысла в природе. Однако эти моменты сейчас нельзя рассматривать отдельно.

Признается, что человек может быть эволюционистом и в то же время не быть атеистом и может признавать наличие замысла в природе. Но мы не можем понять, как теория эволюции может быть согласована с заявлениями Священных Писаний. Другие могут увидеть это и быть в состоянии согласовать свою приверженность науке со своей приверженностью Библии. Профессор Хаксли, как мы видели, объявляет это невозможным. Поскольку любое заблуждение противоречит истине, если теория эволюции ложна, она должна быть противопоставлена истинам религии в той мере, в какой они соприкасаются. М-р Хенслоу, действительно, говорит, что Наука и Религия не являются антагонистическими, потому что они находятся в разных сферах мысли. Это часто говорят люди, которые не признают, что в религии вообще есть какая-либо мысль; что это просто вопрос чувства. Однако факт таков, что религия - это система знаний, а также состояние чувств. Истины, на которых основана любая религия, взяты из области науки, природы первопричины, ее отношения к миру, природы вторых причин, происхождения жизни, антропологии, включая происхождение, природу и предназначение человека. Религии приходится бороться за свою жизнь с большим классом ученых. Все попытки помешать ей осуществить свое право быть услышанной неразумны и тщетны.

Следует исходить из того, что эта статья была написана с единственной целью - ответить на вопрос, что такое дарвинизм? Обсуждение достоинств теории не входило в компетенцию автора. Следовательно, дальнейшее следует рассматривать только в свете практического вывода.

1. Первым возражением против теории является ее *первый взгляд* невероятность. То, что отдельное растение или животное могло развиться из простой клетки, является таким чудом, что ничто, кроме ежедневного наблюдения за этим фактом, не могло заставить любого человека поверить в это. Пусть любой спросит себя, предположим, что этот факт не был настолько известен, какое количество предположений, аргументов, основанных на аналогиях, возможностях и вероятностях, могло бы привести к убеждению в его истинности. Но кто может поверить, что все растения и животные, когда-либо существовавшие на земле, произошли от одного такого зародыша? Такова доктрина Дарвина. Мы знаем, что сторонники спонтанного зарождения избегают этой очевидной невозможности, полагая, что такие зародышевые клетки могут образовываться где угодно и когда угодно. Но это не дарвинизм. Дарвин хочет, чтобы мы поверили, что все живые существа, от скромной фиалки до гигантских секвой Калифорнии, от микроскопических животных до мастодонтов, динозавров, — чудовищ, само описание которых приводит нас в ужас, — летучих мышей с крыльями шириной двадцать футов, летающих драконов, черепах высотой десять футов и длиной восемнадцать футов и т.д., и т.п., произошли все до единого от одного и того же первичного зародыша. Это требование становится тем более необоснованным, когда мы вспоминаем, что эти живые существа не только столь различны, но и, как растения и животные, прямо противоположны по своим функциям. Функция растения, как выражаются биологи, заключается в производстве силы, функция животного - в ее расходовании. Растение, в силу присущей ему способности, которой не может подражать ни одно искусство или навык человека, преобразует мертвую неорганическую материю в органическую, пригодную для поддержания животной жизни и без которой животные не могут жить. Таким образом, пропасть между растением и животным кажется непреодолимой.

Далее, вариации, посредством которых осуществляется смена видов, настолько незначительны, что часто незаметны, а их накопление настолько медленное, что его не замечают, — время, необходимое для осуществления любого заметного изменения, должно

исчисляться миллионами или миллиардами лет. Вот еще одно требование к нашей доверчивости. Вершина достигается, когда нам говорят, что все эти преобразования осуществляются случайно, то есть без цели или умысла. Принимая все это во внимание, мы думаем, что можно с некоторой долей скромности сказать, что более совершенно невероятная теория никогда не предлагалась для принятия людьми.

2. Нет никаких оснований полагать, что теория может быть доказана. мистер Дарвин не претендует на ее доказательство. Он признает, что все факты в этом деле можно объяснить, исходя из предположения о божественном замысле и контроле. Все, что он утверждает в поддержку своей теории, - это то, что это возможно. Его способ аргументации заключается в том, что если мы предполагаем то-то и то-то, то, возможно, произошло то-то и то-то. Каким бы дружелюбным и привлекательным ни представлялся этот человек в своих произведениях, по крайней мере у части его читателей вызывает возмущение то, что он с помощью такого способа аргументации приходит к выводам, подрывающим фундаментальные истины религии.

3. Еще один факт не может не привлечь внимания. Когда теория эволюции была предложена в 1844 году в "Следах творения", она была повсеместно отвергнута; когда менее чем через двадцать лет ее предложил мистер Дарвин, она была встречена одобрительными возгласами. Почему это происходит? Факты сейчас такие, какими они были тогда. Они были так же хорошо известны тогда, как и сейчас. Теория, насколько это касается эволюции, была тогда именно такой, какая она есть сейчас. Как же тогда получается, что то, что было научно ложным в 1844 году, является научно истинным в 1864 году? Когда в театре показывают драму, которую все осуждают, а спустя некоторое время, после небольшого изменения декораций, ее встречают бурными аплодисментами, естественным выводом является то, что перемена произошла в аудитории, а не в драме.

Для упомянутого факта есть только одна причина, о которой мы можем думать. "Следы творения" явно или действительно не исключали замысел. Дарвин исключает. Это причина, указанная наиболее ревностными защитниками его теории для ее принятия. Это причина, указанная Бюхнером, Геккелем и Фогтом. Это также недвусмысленно сказано Штраусом, сообщение о смерти которого вызвало чувство печали у всех, кто был знаком с его прошлым. В своей последней работе "Старая вера и новая" он признает, "что доктрина Дарвина - это всего лишь гипотеза; что она оставляет основные моменты необъясненными (Успех и кардинальная точка зрения на будущее); тем не менее, поскольку он показал, как можно исключить чудеса, ему следует аплодировать как одному из величайших благодетелей человечества". (стр. 177) Под "Wunder", или чудом, Штраус подразумевает любое событие, для объяснения которого естественных причин недостаточно. "Мы, философы и критические теологи, - говорит он, - хорошо говорили, когда издавали декрет об отмене чудес; но наш декрет (macht-spruch) остался без действия, потому что мы не могли доказать их ненужность, поскольку мы были неспособны указать на какую-либо естественную силу, которая заняла бы их место. Дарвин предусмотрел или указал на эту естественную силу, на этот природный процесс; он открыл дверь, через которую более счастливые потомки могут вечно творить чудеса". Затем следует только что процитированная фраза: "Тот, кто знает, что зависит от чуда, будет аплодировать Дарвину как одному из величайших благодетелей человеческой расы". У Штрауса и других представителей его класса чудеса и замыслы идентичны, потому что как то, так и другое предполагает сверхъестественную активность. Он цитирует Гельмгольца, который говорит: "Теория Дарвина о том, что адаптация при формировании организмов может возникнуть без

вмешательства разума, в результате слепого действия законов природы", а затем добавляет: "Поскольку Гельмгольц называет английского натуралиста человеком, изгнавшим замысел из природы, мы восхваляем его как человека, который покончил с чудесами. И то, и другое означает одно и то же.[47] Дизайн - это чудотворец в природе, который перевернул мир с ног на голову; или, как говорит Спиноза, поставил последнее на первое место, следствие вместо причины, и таким образом разрушил саму идею природы. К замыслу в природе, особенно в отделе живых организмов, всегда обращались те, кто хотел доказать, что мир не саморазвился, а является работой разумного Создателя ". (стр. 211) На странице 175 он ссылается на тех, кто высмеивает Дарвина, и все же настолько находится под влиянием духа времени, что отрицает чудеса или вмешательство Создателя в ход природы, и говорит: "Очень хорошо; как они объясняют происхождение человека и вообще развитие органического из неорганического? Допустили бы они, что изначальный человек как таковой, каким бы грубым и бесформенным он ни был, но все же человек, произошел непосредственно из неорганического, из моря или ила Нила? Они вряд ли осмелились бы сказать это; тогда они должны знать, что есть только выбор между чудом, божественной рукой Творца и Дарвином ". Какая альтернатива: Творец или Дарвин! Однако в этом Штраус прав. Изгнать замысел из природы, как это делается в теории Дарвина, означает, выражаясь языком преподобного Уолтера Митчелла, фактически "свергнуть с престола Творца".

Людвиг Вайс, доктор медицины из Дармштадта, говорит, что в настоящее время в Германии (и, конечно, в некоторой степени здесь) "принято" прославлять буддизм. Штраус, добавляет он, говорит: "Природа познает себя в человеке, и в этом он выражает мысль, которая является главной целью всего идеализма и всего материализма. С той же целью сказано: "В Человеке Все постигает себя как сознательное существо (приходит к самосознанию); или в Человеке абсолютное знание (Wissen, акт познания) проявляется в пределах личности". Такова была доктрина буддистов и древних китайцев". Таким образом, как говорит доктор Вайс, "в девятнадцатом веке христианской эры философы и ученые достигли того уровня, на котором китайцы были две тысячи лет назад".

Единственный очевидный способ объяснить, почему эволюция была отвергнута в 1844 году и почему она стала популярной доктриной в 1866 году, заключается в том, что она соответствует преобладающему состоянию ума. Фактом, насколько позволяют наши ограниченные знания, является то, что никто не желает признавать себя не просто эволюционистом, но эволюционистом дарвиновской школы, который не является ни материалистом по профессии, ни учеником Герберта Спенсера, ни сторонником философии Юма.

Есть еще один важный факт, который доказывает, что отрицание дизайна, являющегося "творческой идеей" дарвинизма, является главной причиной его популярности и успеха. Профессор Оуэн, величайший натуралист Англии, является деривационистом. Деривация и эволюция - взаимозаменяемые термины. Оба включают отрицание того, что виды являются первичными или имеют каждый свое происхождение; и оба подразумевают, что один вид образовался из другой и более простой формы. Профессор Оуэн, однако, хотя и является деривационистом или эволюционистом, является очень ярким антидарвинистом. Он отличается от Дарвина по двум пунктам. Во-первых, что касается Естественного отбора, или выживания наиболее приспособленных. Он говорит, что это противоречит фактам и совершенно недостаточно для объяснения происхождения видов. Он связывает происхождение видов с врожденной тенденцией к изменениям, заложенной в них с самого начала. И, во-вторых, он

признает замысел. Он отрицает, что преемственность и происхождение видов обусловлены случайностью, и выражает свою веру в постоянное действие творческой силы при формировании видов из разнообразных потомков более обобщенных форм.[48] Он верит, "что все живые существа были созданы по такому закону (изменчивости) во времени, их положение и использование в мире были predetermined Создателем".[49] Профессор Оуэн говорит, что он преподавал доктрину происхождения (эволюции) в течение тридцати лет, но она привлекла мало внимания. Однако, как только Дарвин оставляет в стороне дизайн, мы получаем лесной пожар. К счастью, пожар в прериях длится недолго; и пока он длится, он сжигает лишь стерню.

4. Все имеющиеся у нас свидетельства в пользу постоянства видов, конечно, свидетельствуют не только против дарвинизма, но и против эволюции во всех ее формах. Казалось бы, бесполезно обсуждать вопрос о изменчивости видов, пока не будет установлено, что такое вид. К сожалению, на этот вопрос чрезвычайно трудно ответить. Не только определения, данные учеными, различаются почти до бесконечности, но и существует бесконечное разнообразие классификаций. Подумайте о четырехстах восьмидесяти видах колибри. Геккель говорит, что один натуралист выделяет десять, другой - сорок, третий - двести, третий - один вид определенного ископаемого; и мы только что слышали, что Агассис собрал восемьсот видов того же ископаемого животного. Геккель также говорит (стр. 246), что нет двух зоологов или каких-либо двух ботаников, которые полностью соглашались бы в своей классификации. Мистер Дарвин говорит: "До сих пор не проведена четкая демаркационная линия между видами, подвидами и разновидностями". (стр. 61) Следовательно, абсолютно необходимо проводить различие между искусственными и естественными видами. Никто не утверждает неизменности всех тех разновидностей растений и животных, которые натуралисты для удобства классификации могут называть отдельными видами. Геккель, например, приводит список из двенадцати видов человека. Таким образом, любой может выделить пятьдесят видов собак или лошадей. Это простое искусственное различие, которое ничего не значит. Разница между дутышем и почтовым голубем гораздо больше, чем между кавказским и монгольским. Называть первые разновидности одного и того же вида, а вторые - разными видами, совершенно произвольно. Тем не менее, несмотря на произвольные классификации натуралистов, остается верным то, что профессор Дана называет "единицами" органического мира. "Когда особи размножаются из поколения в поколение, это всего лишь повторение изначальной идеи типа, и истинное понятие вида находится не в результирующей группе, а в идее или потенциальном элементе, который является основой каждого индивидуума группы".[50] Определение видов доктором Мортоном как "первичных органических форм" согласуется с определением, данным профессором Даной; и оба они согласуются с Библией, в которой говорится, что Бог сотворил растения и животных каждого в своем роде. Первичная форма - это форма, которая не развилась из какой-либо другой формы, но которая начала существовать в той форме — с учетом таких разновидностей, какие мы видим у собаки, лошади и человека, — в которой она сохранялась в течение всего периода своего существования.

Критериями этих первичных форм или видов природы являются: (1) Морфологические. Животные, однако, могут очень близко подходить по своему строению и все же принадлежать к разным видам. Только когда особенности строения указывают на особенности дизайна, они образуют надежное основание для классификации. Если зубы одного животного сформированы так, чтобы оно могло питаться мясом, а зубы другого - так, чтобы оно могло питаться растениями; если у одного есть перепончатые лапы, а у другого нет, то во всех подобных случаях различие в строении доказывает различие вида. (2.) Физиологический; то есть внутренняя

природа, обозначаемая привычками и инстинктами, предоставляет еще один надежный критерий. (3.) Постоянная плодовитость. Предки одного и того же вида воспроизводят свой вид из поколения в поколение; потомки разных видов, хотя и почти родственных, этого не делают. Непреложный закон природы гласит, что виды никогда не могут быть уничтожены, за исключением вымирания всех входящих в них особей; и что новые виды не могут быть созданы. Каждый истинный вид является изначальным. Именно этот факт, а именно то, что никогда не было получено разновидности, обладающей существенными признаками вида, заставляет, как мы видели выше, профессора Хаксли объявить доктрину мистера Дарвина недоказанной гипотезой. Виды сохраняются; разновидности, если их оставить в покое, всегда возвращаются к нормальному типу. Требуется умение и постоянное внимание человека, чтобы поддерживать их различие.

То, что такие формы существуют в природе, доказывается не только свидетельствами большого числа наиболее выдающихся натуралистов, но и всеми фактами по делу.

Во-первых, тот факт, что известно, что такие виды существовали неизменными на протяжении, по мнению геологов, почти неизмеримых периодов времени. Палеонтологи говорят нам, что трилобиты существовали в изобилии с первобытной эпохи до каменноугольного периода, то есть, как они предполагают, на протяжении миллионов лет. Что еще более удивительно, маленькие животные, останки которых составляют меловые образования, разбросанные на обширных территориях страны и иногда достигающие сотни футов толщиной, сейчас трудятся на дне Атлантики. Директор школы Доусон сообщает нам о моллюсках, существующих в субкаменелом состоянии в постплиоценовых глинах Канады, что "после тщательного изучения около двухсот видов, а некоторых из них - многих сотен экземпляров, я пришел к выводу, что они абсолютно неизменны.... И здесь мы снова сталкиваемся с абсолютным отказом всех этих животных признать, что они произошли или имели тенденцию к образованию новых видов".^[51]

На предыдущей странице он пишет: "Пикте внес в каталог девяносто восемь видов млекопитающих, населявших Европу в послеледниковый период. Из них пятьдесят семь все еще существуют без изменений, а остальные исчезли. Нельзя доказать, что ни один из них не был модифицирован в новую форму, хотя некоторые из них были вынуждены из-за изменений температуры и других условий переселиться в отдаленные и теперь широко разделенные регионы".

Вторым фактом, свидетельствующим об изначальном характере и неизменности видов, является то, что каждый вид, каким он появляется на первый взгляд, находится не в переходном состоянии между одной формой и другой, а в совершенстве своего вида. Наука действительно открыла восходящий порядок в творении, который удивительно согласуется с тем, что дано в книге Бытия: сначала растительные продукты; затем движущиеся существа в море; затем наземные животные; и, наконец, человек. Натуралисты, которые полностью отвергают Священное Писание как божественное откровение, с величайшим восхищением отзываются о моисеевом повествовании о сотворении мира по сравнению с любой другой космогонией древнего мира. Хотя в целом эти живые формы имеют восходящий ряд, каждая из них была совершенна в своем роде.

Агассис говорит, что рыбы существовали одновременно с видами всех подцарств беспозвоночных в таконических, или субкембрийских, слоях. Это крайний предел известных геологических слоев, в которых, как установлено, существовала жизнь. Поскольку эволюция

одного вида из другого требует, согласно Дарвину, миллионов лет, не может быть и речи о том, чтобы проследить за этими животными дальше тех слоев, в которых сейчас найдены их останки. И все же "крабы или омары, черви, каракатицы, улитки, медузы, морские звезды, устрицы, полипы жили одновременно с первыми известными позвоночными животными, которые когда-либо появились на свет, - все они так же четко обозначены безошибочными порядковыми или специальными знаками, как и в настоящий момент".[52]

Зоологи считают лошадиную ногу "одним из самых красивых изобретений в природе". Останки этого животного, найденные в так называемый плиоценовый период, показывают, что ступня была такой же совершенной тогда, как и сейчас.

Мистер Уоллес говорит, что человек существует на земле сто тысяч лет и что вполне вероятно, что он существовал четыреста тысяч лет назад. Конечно, мы в это не верим. Мы мало верим в научную хронологию. Она не дает точных данных для расчета времени, поэтому мы находим, что они различаются от четырех тысяч до четырехсот тысяч лет в отношении времени, необходимого для определенных образований. Самые заслуживающие доверия геологи учат, что все, что известно о древности человека, укладывается в рамки библейской хронологии. Однако чем дальше дарвинисты отодвигают на задний план происхождение человека, тем сильнее становится аргумент в пользу неизменности видов. Самые ранние останки человека показывают, что при своем первом появлении он был совершенен. Самый старый известный человеческий череп называется "Энгис", потому что найден в пещере Энгис в Бельгии. По поводу этого черепа профессор Хаксли говорит, что он, возможно, принадлежал представителю одной из существующих человеческих рас. Директор школы Доусон, у которой есть его слепок, стоящий на одной полке с черепами некоторых алгонкинских индейцев, говорит, что его можно принять за череп американского индейца. Действительно, Доусон, похоже, считает, что эти ископаемые человеческие останки свидетельствуют о том, что самые ранние люди были развиты лучше, чем любая из ныне существующих рас.

В-третьих. Все доступные исторические свидетельства подтверждают неизменность видов. Самые ранние исторические записи и древнейшие памятники доказывают, что все сохранившиеся животные были такими, какими они являются сейчас, тысячи лет назад.

В-четвертых. Тот факт, что гибриды не могут быть увековечены, что никакое изобретение человека не может произвести новый вид, является доказательством того, что Бог установил пределы, которые нельзя перейти. Сам Хаксли признает это непреодолимым возражением. Пока оно существует, говорит он, доктрина Дарвина должна довольствоваться тем, что остается гипотезой; она не может претендовать на достоинство теории. Другим важным фактом является то, что искусственно выведенные сорта, если их оставить в покое, постепенно возвращаются к простой типичной форме. Только с предельной осторожностью их можно сохранить отличными друг от друга. Все высоко ценимые разновидности лошадей, крупного рогатого скота, овец, голубей и т.д., без контроля человека, были бы объединены каждый класс в один, с незначительными различиями, вызванными различиями климата и других внешних условий. Если в глазах человека важно, чтобы слова книги сохранялись отчетливыми, то столь же очевидно, что в глазах Бога не менее важно, чтобы "элементы природы" не смешивались в неразрывной путанице.

В-пятых. Внезапное появление новых видов животных - еще один факт, на котором палеонтологи настаивают против доктрины эволюции. По мнению геологов, в отдаленные периоды в

состоянии земли происходили большие изменения. Континенты были затоплены, а дно морей поднялось над поверхностью вод. Соответствующие изменения произошли в состоянии атмосферы, окружающей земной шар, и в температуре земли. Сопровождая или следуя за этими революциями, появляются новые классы растений и животных, адаптированные к новым условиям земной поверхности. Откуда они берутся? У них нет, как выражается Доусон, ни отцов, ни матерей. Им не предшествует ничего, от чего они могли бы произойти; и ничего подобного за ними не следует. Они доживают до назначенного им срока, а затем, во множестве случаев, окончательно исчезают, и за ними, в свою очередь, следуют новые отряды или виды. Другими словами, звенья или связующие формы этой предполагаемой регулярной последовательности или происхождения не должны быть найдены. Этот факт настолько очевиден, что Хью Миллер, выступая против доктрины эволюции, предложенной в "Следах творения", говорит, что запись в горных породах, по-видимому, была сделана именно с целью доказать, что такая эволюция невозможна.

У нас есть недвусмысленное свидетельство Агассиса как палеонтолога о том, что геологические факты противоречат теории трансмутации видов. Это свидетельство давалось неоднократно и в различных формах. В последнем произведении, написанном его перу, он говорит: "Как палеонтолог, я с самого начала стоял в стороне от этой новой теории трансмутации, которая сейчас так широко признана научным миром. Его доктрины, по сути, противоречат тому, что формы животных, погребенные в скалистых слоях нашей земли, рассказывают нам об их собственном появлении и преемственности на поверхности земного шара". "Давайте теперь посмотрим на самых ранних позвоночных, известных и зарегистрированных в геологических исследованиях. Конечно, если в теории трансмутации есть хоть капля правды, они должны соответствовать самым низким по рангу или положению. Что же тогда представляют собой самые ранние известные позвоночные? Это селахианы (акулы и их союзники) и ганоиды (гарпии и им подобные), самые высокие из всех живых рыб, с точки зрения строения". Он завершает статью, из которой взяты эти цитаты, утверждением, "что нет никаких доказательств прямого происхождения более поздних видов от более ранних в геологической последовательности животных".^[53] Следует заметить, что Агассиса цитируют не по вопросам теории, а по фактам. Единственный ответ, который эволюционисты могут дать на этот аргумент, - несовершенство географических данных. Когда их спрашивают, где находятся непосредственные предшественники этих новых видов? они отвечают, что они исчезли или их еще не нашли. Когда их спрашивают, где их непосредственные преемники? ответ снова таков: Они исчезли.^[54] Это возражение, которое мистер Дарвин со своей обычной прямоотой фактически признает неопровержимым. Мы уже видели, что он говорит: "Каждый согласится с тем, что геологическая летопись несовершенна; но очень немногие могут поверить, что она настолько несовершенна, как требует моя теория".

Таковы некоторые из оснований, на которых геологи и палеонтологи высочайшего ранга утверждают, что теория эволюции не имеет ни малейшей научной основы; и они подкрепляют свое утверждение таким количеством доказательств, по сравнению с которыми приведенные выше пункты - жалкие гроши.

В-шестых. Есть еще одно соображение, имеющее решающее значение. Штраус говорит, что есть три вещи, которые были камнями преткновения на пути науки. Во-первых, происхождение жизни; во-вторых, происхождение сознания; в-третьих, происхождение разума. Это эквивалентно разрывам, которые, по словам директора Доусона, существуют в теории

эволюции. Он формулирует их так: 1. Разрыв между мертвой и живой материей. 2. Разрыв между растительной и животной жизнью. "Они обязательно противоположны друг другу: один раскисляет и накапливает, другой окисляет и расходует". 3. Это "между любым видом растений или животных и любыми другими видами. Именно этот пробел, и только этот, Дарвин взялся заполнить своей великой работой "Происхождение видов", но, несмотря на огромное количество затраченного таким образом материала, он зияет так же широко, как и прежде, поскольку следует признать, что не было установлено ни одного случая, когда особь одного вида преступала границы, отделяющие ее от другого вида". 4. "Другой пробел находится между природой животного и самосознательной, рассуждающей и моральной природой человека". (стр. 325-328)

Во-первых, что касается разрыва между смертью и жизнью; это то, что доктор Стирлинг называет "пропастью из всех пропастей, которую протоплазма мистера Хаксли так же бессильна стереть, как и любой другой материальный прием, который когда-либо предлагался".^[55] Эту пропасть мистер Дарвин не пытается преодолеть. Он признает, что жизнь обязана своим возникновением действию Творца. Однако, по словам самых видных защитников дарвинизма, это означает отказ от всей полемики. Если вы допускаете вмешательство созидательной силы в какой-то момент, вы с таким же успехом можете признать это и в любом другом. Если жизнь обязана своим возникновением созидательной силе, почему не виды? Если допустить грандиозное чудо сотворения мира, то нет никаких оснований отрицать сверхъестественное вмешательство в процессы природы. Большинство дарвинистов пытаются преодолеть эту пропасть по воображаемому мосту спонтанного зарождения. Другими словами, они говорят, что здесь нет пропасти. Молекулы материи в одной комбинации могут с таким же успехом демонстрировать явления жизни, как и в других комбинациях, явления любого другого рода. Выдающийся сэр Уильям Томсон не может доверить себя этому мосту. "Мертвая материя, - говорит он, - не может стать живой материей, не попав под влияние материи, которая раньше была живой. Это кажется мне таким же надежным научным учением, как закон всемирного тяготения.... Я готов принять в качестве догмата научной веры, истинного во всем пространстве и во все времена, что жизнь проистекает из жизни, и ничего, кроме жизни".^[56] Он связывает происхождение жизни на этой земле с падающими метеоритами, которые приносят с собой с других планет зародыши живых организмов; и из этих зародышей произошли все растения и животные, которыми сейчас покрыт наш мир. Директор школы Доусон считает, что это было задумано как ирония. Но весь тон обращения, и особенно заключительной его части, в которой выдвигается эта идея, слишком серьезен, чтобы допускать такое объяснение.

Никто не может прочитать упомянутый адрес, не будучи впечатленным и даже благоговейно пораженным необъятностью и величиим области знаний, которая по праву относится к сфере науки. Прочтение этого дискурса вызывает чувство смирения, аналогичное чувству незначительности, которое испытывает каждый человек, когда он думает о себе как о пятнышке на поверхности земли, которое само по себе является всего лишь пятнышком в необъятности вселенной. И когда человек простой культуры видит сэра Уильяма Томсона, исследующего эту область с мастерством владения ее деталями и знакомством со всеми малоизвестными методами ее исследования, он чувствует себя ничтожеством в его присутствии. И все же этот великий человек, на которого мы не можем не смотреть с удивлением, настолько увлечен духом своего класса, что говорит: "Наука обязана по вечному закону чести бесстрашно смотреть в лицо любой проблеме, которая может быть честно поставлена перед ней. Если возможное

решение, согласующееся с обычным ходом природы, может быть найдено, мы не должны прибегать к ненормальному проявлению Творческой Силы ". И поэтому, вместо того чтобы призывать Творческую Силу, он объясняет происхождение жизни на земле падением метеоритов. Как он объясняет его происхождение в местах, откуда прилетели метеориты, он не говорит. И все же сэр Уильям Томсон верит в Творческую силу; и на следующей странице мы процитируем его недвусмысленное отрицание атеистического элемента в теории Дарвина.

Штраус цитирует Дюбуа-Реймона, выдающегося натуралиста, который учит, что первая из этих великих проблем, а именно. происхождение жизни допускает объяснение на научных (то есть, в его смысле, материалистических) принципах; и даже третье, а именно. происхождение разума; но второе, или происхождение сознания, по его словам, "совершенно непостижимо". Дюбуа-Реймон считает, что "наиболее точное знание сущностного организма открывает нам только материю в движении; но между этим материальным движением и моим чувством боли или удовольствия, ощущением сладкого вкуса, видением красного цвета с выводом "следовательно, я существую", существует глубокая пропасть; и "остается совершенно и навсегда непостижимым, почему для ряда атомов углерода, водорода и т.д. Не должно быть безразлично, как они лежат или как движутся; и мы никоим образом не можем сказать, каким образом сознание должно возникать в результате их одновременного действия". Будь, - добавляет Штраус, "эти *Слова магистра* действительно являются последним словом в этом вопросе, покажет только время".^[57] Но если непостижимо, чтобы не сказать абсурдно, что чувственное сознание должно состоять в движении молекул материи или быть функцией таких молекул, вряд ли может быть менее абсурдным объяснение мышления, совести, религиозных чувств и верований на основе любой такой гипотезы. Можно сказать, что мистер Дарвин не несет ответственности за эти крайние мнения. Мистер Дарвин не является монистом, поскольку, признавая сотворение мира, он допускает дуализм между Богом и миром. Он также не является материалистом, поскольку предполагает сверхъестественное происхождение бесконечно малой крупинки жизни и разума в изначальной животной форме, от которой без божественной цели или посредничества произошли все живые существа за всю историю нашей земли. Все бесчисленные разновидности растений, все бесчисленные формы животных со всеми их инстинктами и способностями, все разновидности людей с их интеллектуальными способностями и их моральной и религиозной природой, согласно Дарвину, были развиты под действием слепых, бессознательных законов природы. Эта бесконечно малая искра сверхъестественного в теории мистера Дарвина неизбежно погасла бы сама по себе, если бы она не была грубо и презрительно растоптана его более смелыми и логичными последователями.

Главным и фатальным возражением против дарвинизма является исключение замысла в происхождении видов или создании живых организмов. Под замыслом понимается разумный и добровольный выбор цели, а также разумный и добровольный выбор, применение и контроль средств, соответствующих достижению этой цели. Следовательно, этот замысел подразумевает разумность, заложенную в самой его природе. Ни один человек не может воспринять это приспособление средств для достижения заранее поставленной цели, не испытывающее непреодолимого убеждения в том, что это работа разума. Ни один человек не сомневается в этом, и никто не может сомневаться в этом. Дарвин этого не отрицает. Геккель этого не отрицает. Ни один дарвинист этого не отрицает. Что они делают, так это отрицают существование какого-либо замысла в природе. Это просто очевидно, как тогда, когда ветер с Бискайского залива, как говорит Хаксли, "выбирает нужный вид песка и кучами разносит его по

равнинам". Но, отрицая таким образом замысел в природе, эти авторы противопоставляют себе интуитивное восприятие и непреодолимые убеждения всего человечества — барьер, который ни один человек никогда не был в состоянии преодолеть. Сэр Уильям Томсон в уже упомянутом обращении говорит: "Я глубоко убежден, что аргумент о замысле был слишком сильно упущен из виду в недавних зоологических спекуляциях. Реакция на легкомысленность телеологии, такую, которую нередко можно найти в заметках ученых комментаторов "Естественной теологии Пейли", я полагаю, имела временный эффект отвлечения внимания от солидного неопровержимого аргумента, так хорошо выдвинутого в этой превосходной старой книге. Но неопровержимые доказательства разума и благого замысла лежат повсюду вокруг нас, и если когда-либо трудности, будь то метафизические или научные, отворачивают нас от них на время, они возвращаются к нам с непреодолимой силой, показывая нам через природу влияние свободной воли и уча нас, что все живые существа зависят от одного вечно действующего Создателя и Правителя".

Даже для мистера Дарвина невозможно, как бы это ни противоречило всей его теории, отрицать какой-либо замысел в устройстве природы. Каков его закон наследственности? Почему подобное должно порождать подобное? Возьмем две зародышевые клетки, одну растения, другую животного; ни один человек с помощью микроскопа, химического анализа или волшебной силы спектроскопа не может обнаружить ни малейшей разницы между ними, и все же одна безошибочно развивается в растение, а другая - в животное. Возьмем зародыш рыбы и птицы, и они одинаково неотличимы; однако один всегда при любых условиях развивается в рыбу, а другой - в птицу. Почему это происходит? Не существует физической силы, будь то свет, тепло, электричество или что-либо еще, что дало бы хоть малейшее приближение к объяснению этого факта. Сказать, как сказал бы Стюарт Милль, что это непреложный факт, не нуждающийся в объяснении, значит сказать, что может быть следствие без адекватной причины.

Достопочтенный Р. Э. Фон Бэр, первый натуралист в России, о котором Агассис отзывается с таким нежным почтением в "Atlantic Monthly" за январь 1874 года, написал книгу, датированную Дерптом 1873 года и озаглавленную "Zum Streit über den Darwinismus". В этом томе, как мы узнаем из немецкого периодического издания, автор говорит: "Дарвинисты придают большое значение наследственности; но что такое закон наследственности, как не определение чего-то будущего? Разве это не в высшей степени телеологично по своей природе? Действительно, разве вся способность к воспроизводству не предназначена для того, чтобы ввести новый жизненный процесс? Когда человек смотрит на препарированное насекомое, исследует цепочки его яиц и спрашивает, откуда они взялись? натуралисту наших дней нечего ответить, кроме того, что они были по необходимости постепенно произведены изменениями в материи. Когда далее спрашивается, почему они там? разве неправильно говорить, что это *для того*, чтобы когда яйцеклетки созреют и оплодотворятся, появились новые особи той же формы".

Далее следует учитывать, что существуют бесчисленные случаи изобретательности или свидетельства замысла в природе, к которым принцип естественного отбора или бесцельные изменения, производимые бессознательной силой, неприменимы; как, например, различие полов со всем, что с этим связано. Но, проходя мимо таких случаев, можно спросить, какая польза была бы от того, чтобы избавиться от замысла в растительном и животном царстве, в то время как вся вселенная полна им? То, что этот упорядоченный Космос существует не по необходимости или случайности, является почти самоочевидным фактом. Ни один человек из миллиона тех, кто когда-либо слышал о Боге, не сомневается в этом и не может сомневаться. Кроме того, как следует учитывать космические отношения света, тепла, электричества к

составным частям Вселенной, и особенно, насколько это касается этой земли, к растительной и животной жизни? Это все случайная работа? Случайно ли, что свет и тепло заставляют растения выполнять свои чудесные операции, превращая неорганическое в органическое, мертвую материю в живую и поддерживающую жизнь материю? Неспроста ли вода, вместо того чтобы сжиматься, расширяется при температуре замерзания?— факт, благодаря которому земля к северу от тропика пригодна для обитания человека или животного. Сказать, что некоторые другие вещества обладают той же особенностью, но при этом не достигается никакой благой цели, которую мы можем видеть, не является ответом на этот вопрос. Ни один человек не настолько глуп, чтобы отрицать, что его глаз был предназначен для того, чтобы он мог видеть, потому что он не может сказать, для чего была создана селезенка. Однако останавливаться на этом предмете бесполезно. Если человек отрицает наличие замысла в природе, он может с таким же основанием отрицать наличие какого-либо замысла в любой или во всех работах, когда-либо выполненных человеком.

Вывод из всего этого таков, что отрицание замысла в природе фактически равнозначно отрицанию Бога. Теория мистера Дарвина действительно отрицает любой замысел в природе, следовательно, его теория фактически атеистична; его теория, а не он сам. Он верит в Создателя. Но когда этот Творец миллионы и миллионы веков назад что—то сделал — вызвал к существованию материю и живой зародыш, - а затем предоставил вселенную самой себе, чтобы ею управляли случайно и по необходимости, без какой-либо цели с его стороны в отношении результата, или какого-либо вмешательства или руководства, тогда Он фактически обречен, насколько это касается нас, на небытие. Уже говорилось, что самые крайние поклонники мистера Дарвина принимают и превозносят его теорию по той особой причине, что она изгоняет Бога из мира; что она позволяет им объяснять замысел, не связывая его с целью или действием Бога. Это явно делается Бюхнером, Геккелем, Фогтом и Штраусом. Противники дарвинизма направляют свои возражения главным образом против этого элемента доктрины. Это, как было заявлено преподобным доктором Пибоди, было основным основанием для серьезного противодействия Агассиса этой теории. Великий ботаник Америки, доктор Эйза Грей, называет себя эволюционистом; но он не является дарвинистом. Для этого у нас есть самое ясное из возможных доказательств. Г-н Дарвин, после недвусмысленного отрицания того, что вариации, приведшие "к образованию наиболее идеально приспособленных животных в мире, включая человека, были преднамеренно и особым образом направляемыми", добавляет: "Как бы сильно мы ни желали этого, мы вряд ли можем следовать за профессором Эйсой Греем в его убеждении, что "вариации направлялись по определенным полезным линиям", подобно ручью "по определенным и полезным линиям орошения" ".^[58] Если мистер Дарвин не согласен с доктором Греем, доктор Грей не согласен с мистером Дарвином. Наш американский натуралист отличается от английского именно в том, что касается исключения замысла из процессов природы. Это жизненно важный момент. Отрицание конечных причин является основополагающей идеей теории Дарвина, и поэтому ни один телеолог не может быть дарвинистом.

Доктор Грей цитирует фразу другого автора: "Поразительный факт, что, когда мы можем выяснить, как что-либо делается, наш первый вывод, по-видимому, заключается в том, что Бог этого не делал", а затем добавляет: "Я согласен с автором, что этот первый вывод преждевременен и недостойн; добавлю, прискорбен. Из-за каких недостатков догматизма, с одной стороны, и скептицизма - с другой, возникла такая мысль, нам нет необходимости здесь рассматривать. Будем надеяться, и я с уверенностью ожидаю, что это ненадолго; что

религиозная вера, которая без потрясения пережила представление о неизменности самой земли, может в равной степени пережить представление об абсолютной неизменности видов, населяющих ее; что в будущем, даже в большей степени, чем в прошлом, вера в *порядок*, которая является основой науки, не будет — поскольку это невозможно разумно — отделяться от веры в *Рукоположенного*, которая является основой религии ".^[59] Мы благодарим Бога за это предложение. Это заключительная фраза выступления доктора Грея как бывшего президента "Американской ассоциации содействия развитию науки", произнесенного в августе 1872 года.

Доктор Грей идет дальше. Он говорит: "Предположение о том, что вещи и события в природе не были задуманы такими, если их логически обосновать, несомненно, равносильно атеизму". И снова: "Для нас случайный Космос просто непостижим. Альтернатива - это спроектированный Космос.... Если мистер Дарвин верит, что события, которые, по его предположению, произошли, и результаты, которые мы наблюдаем вокруг нас, были ненаправленными; или если физик верит, что природные силы, к которым он относит явления, беспричинны и ненаправленны, не нужно никаких аргументов, чтобы показать, что такая вера атеистична ".^[60]

Таким образом, мы пришли к ответу на наш вопрос, что такое дарвинизм? Это атеизм. Это не означает, как было сказано ранее, что сам мистер Дарвин и все, кто разделяет его взгляды, атеисты; но это означает, что его теория атеистична; что исключение замысла из природы, как говорит доктор Грей, равносильно атеизму.

Среди последних слов Штрауса были следующие: "Мы требуем от нашей вселенной того же благочестия, которого набожный человек древности требовал от своего Бога". "В огромной машине вселенной, среди непрекращающегося кружения и шипения ее зазубренных железных колес, среди оглушительного грохота ее тяжелых штампов и молотков, посреди всей этой ужасающей суматохи человек, беспомощное и беззащитное существо, оказывается в положении, ни на минуту не уверенного в том, что при неосторожном движении колесо не схватит и не разорвет его, или молот не раздавит его в порошок. Это чувство покинутости поначалу кажется чем-то ужасным".^[61]

Среди последних слов Павла были следующие: "Я знаю, в кого Я уверовал, и убежден, что Он способен исполнить то, что Я поручил Ему на тот день.... Приближается время моего отъезда. Я подвизался добрым подвигом, я завершил свой путь, я сохранил веру: отныне для меня уготован венец праведности, который Господь, праведный судья, даст мне в тот день; и не только мне, но и всем тем, кто любит явление Его".

СНОСКИ:

^[40] *Наука и Священное Писание не антагонистичны, поскольку различны в своих сферах мышления.* Лекция преподобного Джорджа Хенслоу, М. А., F. L. S., F. G. S. Лондон, 1873, стр. 1.

^[41] *Gott und Natur*, стр. 200.

^[42] *Протоплазма, или Материя и жизнь.* Лайонел С. Бил, М. В., F. R. S. Третье издание. Лондон и Филадельфия, 1874, стр. 345; и целая глава о дизайне.

^[43] *Ошибки в гипотезе мистера Дарвина*, К. Р. Бри, доктор медицинских наук, Ф. З. С. Лондон, 1872, стр. 290.

[44] Когда профессор Хаксли говорит, как цитировалось выше, что он не отрицает возможности чудес, он должен использовать слово "чудо" в смысле, присущем только ему самому.

[45] *Jenaer Literaturzeitung*, 3 января 1874 г. In this number there is a notice by Doctor Haeckel of two books,—*Descendenzlehre und Darwinismus*, von Oscar Schmidt, Leipzig, 1873; and *Die Fortschritte des Darwinismus*, von J. W. Spengel, Cöln and Leipzig, 1874; in which he says: "Erstens, um in Sachen der Descendenz-Theorie mitreden zu können, ein gewisser Grad von tieferer biologischer (sowohl morphologischer als physiologischer) Bildung unentbehrlich, den die meisten von jenen Auctoren (the opposers of the theory) nicht besitzen. Zweitens ist für ein klares und zutreffendes Urtheil in diesem Sachen eine rücksichtslose Hingabe an vernunftgemässe Erkenntniss und eine dadurch bedingte Resignation auf uralte, liebgewordene und tief vererbte Vorurtheile erforderlich, zu welcher sich die wenigsten entschliessen können."

[46] In his *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, Haeckel is still more exclusive. Когда он подходит к ответу на возражения против эволюции, или, как он обычно называет это, теории нисхождения, он отвергает возражения, вытекающие из религии, как недостойные внимания, с замечанием, что все Глаубе - это Абергlaubе; вся вера - это суеверие. Возражения со стороны *априорных*, или интуитивных истин, устраняются столь же кратко, отрицая существование каких-либо таких истин и утверждая, что все наши знания получены от органов чувств. Возражение о том, что многие выдающиеся натуралисты отвергают теорию, он рассматривает более подробно. Во-первых, многие состарились в другом образе мышления, и нельзя ожидать, что они изменятся. Во-вторых, многие собирают факты, не изучая их взаимосвязи, или лишены способности к обобщению. Никакое количество материала не создает здания. Другие, опять же, специалисты. Недостаточно, чтобы человек был сведущ в какой-то одной области; он должен чувствовать себя как дома во всем: в ботанике, зоологии, сравнительной анатомии, биологии, геологии и палеонтологии. Он должен быть способен охватить всю область. В-четвертых, и это главное, натуралистам, как правило, прискорбно не хватает философской культуры и философского духа. "Незыблемое здание истинной, монистической науки, или, что то же самое, естествознания, может возникнуть только в результате самого тесного взаимодействия и взаимопроникновения философии и наблюдения (Philosophie und Empirie)". стр. 638-641. Следовательно, лишь немногие избранные из числа ученых и философствующих материалистов-монистов имеют право быть услышанными по вопросам, имеющим высочайшее значение для каждого отдельного человека и для человеческого общества.

[47] Это короткое, но важное предложение опущено в превосходном переводе книги Штрауса Матильды Блинд, переизданном в Нью-Йорке издательством Henry Holt & Company в 1873 году.

[48] *Ошибки дарвинизма*, К. Р. Бри, доктор медицины, стр. 308.

[49] *Ошибки дарвинизма*, стр. 305.

[50] *Священная библиотека*, 1857, стр. 861.

[51] *История Земли и человека*, стр. 358.

[52] Доктор Бри, стр. 275. Мы предполагаем, что геологи расходятся в терминах, которые они используют для обозначения слоев. Агассис называет самую древнюю из содержащих окаменелостей субкембрийской. Директор Доусон называет древнейшее лаврентийским, а первых позвоночных относит к силурийскому периоду. Это не имеет значения для

аргументации. Важным фактом является то, что каждый вид отличается, как только он появляется, и что многие из них сохранились до настоящего времени.

[53] *Atlantic Monthly*, январь 1874г.

[54] Мы слышали историю о джентльмене, который дал художнику заказ на историческую картину и предложил в качестве сюжета Переход израильтян через Красное море. В назначенное время ему сообщили, что его картина закончена, и художник показал большое полотно, выкрашенное в красный цвет. "Что это?" - спросил он. "Да ведь это Красное море", - говорит художник. "Но где же израильтяне?" "О, они перешли". "А где египтяне?" "Они находятся под водой".

[55] *Что касается протоплазмы в связи с эссе профессора Хаксли "Физическая основа жизни"*. Автор: доктор Джеймс Х. Стирлинг. Смотрите также, *"Физиологическая анатомия и физиология человека"* Л. С. Била; также, *"Тайна жизни в ответ на атаку доктора Галла на теорию жизнеспособности"*. Л. С. Бил, доктор медицины, 1871г.

[56] Речь, произнесенная сэром Уильямом Томсоном в качестве президента Британской ассоциации на ее собрании в Эдинбурге в 1871 году.

[57] *Старая вера и новая*. Вступительный постскрипtum, XXI век.

[58] *Изменчивость растений и животных при одомашнивании*. Нью-Йорк, 1868, том ii. Стр. 515, 516.

[59] *Труды Американской ассоциации содействия развитию науки*. Кембридж, 1873, стр. 20.

[60] *Atlantic Monthly* за октябрь 1860 года. Три статьи на эту тему в июльском, августовском и октябрьском номерах *Atlantic* были перепечатаны с указанием имени доктора Эйзы Грей в качестве их автора.

[61] Штраус говорит, что, поскольку он пришел к выводу, что личного Бога нет и жизни после смерти нет, из этого, по-видимому, следует, что вопрос, есть ли у нас еще религия? "должен быть дан отрицательный ответ". Но поскольку он считает, что суть религии заключается в чувстве зависимости, и поскольку он чувствовал себя беспомощным посреди этой вращающейся вселенной, у него осталось так много религии.

РЕКЛАМА

Великая теологическая работа Века.

ТЕОЛОГИЯ ДОКТОРА ХОДЖА.

Систематическая теология.

ЧАРЛЬЗ ХОДЖ, доктор философии, LL.D.,

окончил Принстонскую теологическую семинарию.

Полное собрание сочинений в трех томах, 8 страниц, тонированная бумага. Цена, тома. I. и II., 4,50 долл. Об. III., 5 долларов США.

В этих томах собраны результаты трудов и исследований, продолжавшихся всю жизнь, одного из самых выдающихся теологов того времени. Работа охватывает область, обычно занимаемую трактатами по систематической теологии, и использует общепринятые разделы предмета— ТЕОЛОГИЯ, том I.; АНТРОПОЛОГИЯ, том II.; СОТЕРИОЛОГИЯ И ЭСХАТОЛОГИЯ, том I. III.

ВВЕДЕНИЕ посвящено рассмотрению предварительных вопросов, таких как метод или принципы, которыми должен руководствоваться изучающий теологию, и различные теории относительно источника и стандарта нашего знания божественных вещей, рационализма, мистицизма, римско-католического учения о верховенстве веры и протестантского учения по этому вопросу.

Собственно кафедра ТЕОЛОГИИ включает в себя происхождение идеи Бога, Бытие Бога, антитеистические системы атеизма, политеизма, материализма и пантеизма; природу Бога, Божественные атрибуты, доктрины Троицы, Божественности Христа и Святого Духа; постановления Бога, Творение, Провидение и чудеса.

Кафедра АНТРОПОЛОГИИ включает в себя природу, происхождение и древность Человека, его первобытное состояние и испытание; грехопадение; влияние греха Адама на него самого и на его потомство; природу греха; различные философские и теологические теории на эту тему.

СОТЕРИОЛОГИЯ включает План или Цель Бога относительно Спасения людей; личность и Работу Искупителя; его Служение Пророка, Священника и Царя, Работу Святого Духа по применению искупления, приобретенного Христом; Общую и Действенную Благодать, Возрождение, Веру, Оправдание, Освящение, Закон или Правило жизни и средства Благодати.

ЭСХАТОЛОГИЯ включает в себя состояние Души после смерти; Второе пришествие Христа; Воскресение Тела; всеобщий суд и Конец Света, а также Учение о Небесах и Аде.

План автора состоит в том, чтобы изложить и подтвердить библейское учение по этим различным предметам, а также изучить антагонистические доктрины различных классов теологов. Таким образом, его книга задумана как дидактическая и поучительная.

Различные темы обсуждаются с той пристальной аналитической и логической силой в сочетании с той простотой, ясностью и силой стиля, которые уже обеспечили доктору ХОДЖУ всемирную репутацию полемиста и писателя, а также исследователя великих теологических проблем современности.

Единичные экземпляры, отправленные по почте, оплачиваются при получении цены.

СКРИБНЕР, АРМСТРОНГ И КО.,

Бродвей, 654, Нью-Йорк

ЭДИНБУРГСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.— "ЛУЧШАЯ история Римской республики".

ЛОНДОН ТАЙМС. — "БЕЗУСЛОВНО, ЛУЧШАЯ история упадка Римского содружества".

THE

История Рима,

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН до ПЕРИОДА ЕГО УПАДКА.

Автор: доктор ТЕОДОР МОММЗЕН.

Переведено с разрешения автора и дополнениями преподобным У. П. Диксоном, региональным профессором библейской критики в Университете Глазго, экспертом по поздней классической литературе в Университете Сент-Эндрюс. С Введением доктора Леонарда Шмитца и обширным указателем всех четырех томов, подготовленным специально для этого издания.

ПЕРЕПЕЧАТАНО С ПЕРЕСМОТРЕННОГО ЛОНДОНСКОГО ИЗДАНИЯ

Четыре тома crown 8vo.

Цена за том 2,00 доллара.

Доктор Моммзен давно известен и ценится благодаря своим исследованиям языков, законов и институтов Древнего Рима и Италии как наиболее сведущий ученый, ныне работающий в этих областях исторических исследований. К удивительно точному и исчерпывающему знанию этих предметов он присоединяет огромную способность к обобщению, энергичный, одухотворенный и чрезвычайно наглядный стиль и острые аналитические способности, которые придают этой истории степень интереса и неизменную ценность, которой не обладают никакие другие свидетельства упадка Римского государства. "Работа доктора Моммзена, - как отмечает доктор Шмитц во введении, - хотя это произведение о человеке с самой глубокой и обширной эрудицией и познаниями мира, рассчитана не столько на профессионального ученого, сколько на интеллигентных читателей всех классов, проявляющих интерес к истории Римской Империи. прошли века, и склонны искать там информацию, которая может безопасно провести их по запутанным лабиринтам современной истории".

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

"Произведение высочайшего достоинства; его изучение точное и глубокое; его повествование полно гениальности и мастерства; его описания людей удивительно яркие. Мы хотим официально заявить о нашем мнении, что книга доктора Моммзена — безусловно, лучшая история упадка Римского содружества ". -*Лондон Таймс*.

"Со времен Нибура не появлялось ни одной работы по римской истории, которая сочетала бы в себе так много интересного, поучительного и очаровывающего читателя. Его стиль —

редкое качество для немецкого автора — энергичен, одухотворен и одушевленный. Работа профессора Моммзена выдерживает сравнение с самыми благородными произведениями современной истории". —*Доктор Шмитц.*

"Это лучшая история Римской республики, если рассматривать произведение в целом — полное владение автором своим предметом, разнообразие его дарований и приобретений, его графическая сила в описании национального и индивидуального характера и живой интерес, который он вызывает к каждой части своей книги. Ему нет равных в своей сфере". —*Эдинбургское обозрение.*

"Книга, представляющая глубочайший интерес". —*Дин Тренч.*

ЕЩЕ ОДИН ВЕЛИКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД.

История Греции,

Автор: профессор доктор ЭРНСТ КУРТИУС.

Переведено АДОЛЬФУСОМ УИЛЬЯМОМ УОРДОМ, магистром медицины, членом Колледжа Святого Петра в Кембридже, профессором истории в колледже Оуэна в Манчестере.

Будет издано в четырех или пяти томах., crown 8vo, по цене 2,50 доллара за том.

Напечатано на тонированной бумаге, совпадает с "Историей Рима" Моммзена и библиотечным изданием "Истории Англии" Фруда.

ТОМА I., II., III. И IV., ТЕПЕРЬ ГОТОВЫ.

"История Греции" Курция по замыслу и цели схожа с "Историей Рима" Моммзена, с которой она во всех отношениях заслуживает звания одного из величайших шедевров исторической литературы. Избегая мельчайших деталей, которые перегружают другие подобные произведения, в нем в очень живописной манере собраны воедино все важные события в истории этого королевства, оказавшего такое удивительное влияние на мировую цивилизацию. Повествование профессора. Работа Курциуса плавная и оживленная, а обобщения, хотя и смелые, философичны и обоснованны.

КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Выдающаяся ученость профессора Курциуса является достаточной гарантией достоверности его истории, в то время как мастерство, с которым он группирует свои факты, и его эффективный способ их изложения в совокупности делают ее не менее читаемой, чем звуковой. Профессор Курциус повсюду отстаивает истинное достоинство и

беспристрастность истории, и очевидно, что его симпатии на стороне справедливости, человечности и прогресса". —*Лондонский атенеум*.

"Мы не можем лучше выразить наше мнение о книге доктора Куртиуса, чем сказать, что ее можно поставить в один ряд с великой работой Теодора Моммзена". —*Лондонский зритель*.

"Как введение в изучение истории Греции, ни одно предыдущее произведение не сравнится с нынешним по живости и живописной красоте, в то время как по основательности изучения и точности изложения оно не уступает тщательно продуманным произведениям, обогатившим литературу того времени". —*Нью-Йорк Дейли Трибюн*.

"История Греции трактуется доктором Курциусом настолько широко и свободно, в духе девятнадцатого века, что в его руках она становится одной из самых достойных и поучительных областей изучения для всех, кто желает для своего образования чего-то большего, чем знание отдельных фактов. Этот перевод должен стать регулярной частью принятого курса чтения для молодых людей в колледже и для всех, кто готовится к свободной политической жизни нашей страны". —*Нью-Йорк Ивнинг Пост*.

Эта книга отправлена с оплатой по почте, после получения цены, Издателями,

СКРИБНЕР, АРМСТРОНГ И КО.,

Бродвей, 654, Нью-Йорк.

ПРОСПЕКТ Теологической и философской библиотеки

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Генри Б. СМИТА, доктора медицинских наук, И ФИЛИПА ШАФФА, доктора медицинских наук,

Профессора теологической семинарии Союза, Нью-Йорк.

Нижеподписавшиеся предлагают опубликовать избранную и компактную библиотеку учебников по всем основным разделам теологии и философии, адаптированную, в особенности, к потребностям служителей и студентов всех конфессий.

Некоторые работы будут переведены с немецкого и других языков; другие будут основаны на трактатах различных авторов; некоторые будут написаны для Библиотеки английскими или американскими учеными. Цель будет состоять в том, чтобы представить по крайней мере одну сокращенную стандартную работу по каждому из научных разделов теологии и философии, дающую результат лучших критических исследований, исключая, однако, такие исторические труды и комментарии, которые занимают многотомное пространство.

Эта схема представлена не как окончательная, а как указывающая на цель редакторов. При достаточном поощрении будут приложены все усилия, чтобы довести проект до конца и, таким образом, удовлетворить большое и признанное желание в аппарате для изучения. По всем этим темам каждому студенту нужна, по крайней мере, одна хорошая работа. Обеспечить это и будет целью нашей библиотеки.

Различные тома будут опубликованы в лучшем стиле, на разумных условиях и так быстро, как позволят характер работы и поддержка общественности.

Редакторам будут помогать выдающиеся ученые различных конфессий, которые соответственно возьмут на себя литературную ответственность за тома, подготовленные ими самими в рамках общего плана и цели библиотеки.

ТЕПЕРЬ ГОТОВО, В

Богословская и философская библиотека.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ УБЕРВЕГА.

Т. I.—*История древней и средневековой философии*. Автор: доктор Фридрих Убервег. Переведено с четвертого немецкого издания Джорджем С. Моррисом, А.М., с дополнениями Ноа Портера, доктора философии, президента Йельского колледжа, и общим введением редактора Philosophical Library. Один том 8vo, ткань, 3,50 доллара.

Том II.—*История современной философии*. С эссе по английской философии доктора Ноа Портера, президента Йельского колледжа; и по итальянской философии профессора В. Ботты. Один том. 8vo, cloth. \$4.00.

Отправлено, оплачено по почте, после получения цены Издателями,

СКРИБНЕР, АРМСТРОНГ И КО.,

Бродвей, 654, Нью-Йорк.

КОММЕНТАРИЙ ЛАНГЕ.

ТЕПЕРЬ ГОТОВО:

Второстепенные Пророки.

Под редакцией преподобного доктора ФИЛИПА ШАФФА, *включая*

НОСЕА.—By Otto Schmoller, Ph. D., Urach, Wurtemberg. Переведено с дополнениями Джеймсом Э. Маккерди.

ДЖОЭЛ.—Отто Шмоллер, доктор философии. Перевод, с дополнительными примечаниями и новой версией текста на иврите, выполнен Джоном Форсайтом, доктором философии, LL.D.

АМОС.—Отто Шмоллер, доктор философии. Переведено и дополнено Талботом У. Чемберсом, доктором философии

ОБАДИЯ.— Пауль Кляйнерт из Берлина. Переведено с дополнениями Джорджем Р. Блиссом, доктором медицинских наук

Иона.— Автор Пауль Кляйнерт. Переведено и дополнено Чарльзом Эллиотом, доктором медицинских наук

МИКА.— Автор Пауль Кляйнерт. Переведено с дополнениями Джорджем Р. Блиссом, доктором медицинских наук

НАУМ, АВВАКУМ И СОФОНИЯ.— Пауль Кляйнерт. Переведено и дополнено Чарльзом Эллиотом, доктором медицинских наук

АГГЕЙ.— Джеймс Ф. Маккерди, Принстон, Нью-Йорк

ЗАХАРИЯ.— Тэлбот У. Чемберс, доктор медицинских наук, Нью-Йорк.

МАЛАХИЯ.— Джозеф Паккард, Д.Д. Александрия, Вирджиния.

Один том. royal 8vo, ткань \$ 5,00

Ранее опубликованными томами являются:

ВЕТХИЙ ЗАВЕТ.—I. БЫТИЕ. II. ИИСУС Навин, СУДЬИ и РУФЬ. III. ПЕРВАЯ и ВТОРАЯ ЦАРСТВ. IV. ПСАЛМЫ. V. ПРИТЧИ, ПЕСНЬ СОЛОМОНА, ЭККЛЕЗИАСТ. VI. ИЕРЕМИЯ и ПЛАЧУЩИЕ.

НОВЫЙ ЗАВЕТ.—I. МАТФЕЙ. II. МАРК и ЛУКА. III. ИОАННА. IV. ДЕЯНИЯ. V. ПОСЛАНИЕ ПАВЛА К РИМЛЯНАМ. VI. КОРИНФИЯНАМ. VII. ГАЛАТАМ, ЕФЕСЯНАМ, ФИЛИППИЙЦАМ, КОЛОССЯНАМ. VIII. ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ, ТИМОФЕЮ, ТИТУ, ФИЛИМОНУ и ЕВРЕЯМ. IX. ОБЩИЕ ПОСЛАНИЯ Иакова, ПЕТРА, ИОАННА и ИУДЫ.

Каждый том 8vo. Цена за объем, в половинке теленка, \$ 7,50: в овечьей, \$ 6,50: в тканевой, \$ 5,00.

ИМЕНА И НАИМЕНОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ.

У. Г. Т. ШЕДД, доктор философии, пресвитерианин.

Э. А. УОШБЕРН, доктор философии, епископальная.

А. К. КЕНДРИК, доктор философии, баптист.

У. Х. ГРИН, доктор философии, пресвитерианин.

Дж. Ф. ХЕРСТ, доктор философии, методист.

ТЕЙЛЕР ЛЬЮИС, доктор права, голландский реформат.

Преподобный Ч. Ф. ШАФФЕР, доктор философии, лютеранин.

Р. Д. ХИЧКОК, доктор философии, пресвитерианин.

Э. ХАРВУД, доктор философии, епископ.

Х. Б. ХАКЕТТ, доктор философии, баптист.

ДЖОН ЛИЛЛИ, доктор философии, пресвитерианин.

Преподобный У. Г. САМНЕР, епископ.

Проф. ЧАРЛЬЗ ЭЛЛИОТ, пресвитерианин.

ЭТО К. КОНАНТ, д.д., баптист.

Э. Д. ЙОМЕНС, д.д., пресвитерианин.
Преподобный К. К. СТАРБАК, конгрегационалист.
Дж. ИСИДОР МОМБЕРТ, д.д., епископ.
Д. В. ПУР, д.д., пресвитерианин.
К. П. УИНГ, д.д., пресвитерианин.
ДЖОРДЖ Э. ДЭЙ, доктор философии, конгрегационалист.
Преподобный П. Х. СТИНСТРА, епископ.
А. ГОСМАН, доктор философии, пресвитерианин.
Президент. Ч. А. ЭЙКЕН, д.д., пресвитер.
М. Б. РИДДЛ, д.д., голландский реформат.
Профессор У. М. УЭЛЛС, д.д., методист.
У. Х. ХОРНБЛАУЭР, д.д., пресвитер.
Проф. ДЖОРДЖ БЛИСС, баптист.
Т. В. ЧЕМБЕРС, доктор философии, реформат.

Каждый том "КОММЕНТАРИЯ ЛАНГЕ" является полным сам по себе и может быть приобретен отдельно. Отправляется с последующей оплатой по любому адресу после получения издателями цены (5 долларов за том).

СКРИБНЕР, АРМСТРОНГ И КО.,

Бродвей, 654, Нью-Йорк.

Руководства по политической экономии,

ОПУБЛИКОВАНО

Скрибнер, Армстронг и Ко.

"Элементы политической экономии" Перри.

Новое издание, переработанное автором.

В этом трактате излагаются взгляды, способствующие максимальной свободе торговли, совместимые с законными поступлениями от таможенных пошлин. Это стандартный учебник во всех наших колледжах по всей стране. Автор: Артур Лэтем Перри, профессор политической экономии и истории Уильямс-колледжа. 487 страниц, цена \$ 2.50.

"Ваша книга заинтересует студентов больше, чем любая другая, по которой я когда—либо давал уроки", -президент Т. Д. Вулси, Йельский колледж.

"В качестве руководства для общего чтения и популярного инструктажа проф. Книга Перри намного превосходит любую работу на эту тему, ранее издававшуюся в Соединенных Штатах". — Нью-Йорк Таймс.

"Мы сердечно рекомендуем эту книгу всем, независимо от школы политической экономии, кто любит откровенные высказывания и полные и логичные дискуссии". —*Нью-Йоркская нация*.

"В этой книге больше здравого смысла, чем в любой из более сложных работ на ту же тему, предшествовавших ей". — *Нью-Йорк Индепендент*.

"Во всех частях книги, которые мы прочитали, автор показывает себя ясным, сильным, смелым и в целом здравомыслящим мыслителем". —*Житель Новой Англии*.

Американская политическая экономия Боуэна.

В этом трактате представлены взгляды, совместимые с идеей о том, что "каждая страна имеет собственную политическую экономию, соответствующую ее собственным физическим обстоятельствам положения на земном шаре, а также характеру, привычкам и институтам народа". Автор: Фрэнсис Боуэн, профессор политической экономии и гражданского общества в Гарвардском колледже. 495 страниц, цена \$2.50

"Если бы наши члены Конгресса проголосовали за экземпляр этой книги и прочитали ее, они придумали бы меньше диких схем и добились бы значительной экономии времени и денег людей". —*Эпоха Филадельфии*.

"Его аргументы заслуживают рассмотрения, и вся его книга представляет большую ценность для любого американца при изучении экономических вопросов". — *Республиканец из Спрингфилда*.

"Солидный и хорошо аргументированный трактат.... Взгляды мистера Боуэна четко изложены и тщательно аргументированы". —*Бостонский конгрегационалист*.

... "Сегодня сотни людей, совершающих ошибки, которых внимательное прочтение этого тома исправило бы". —*Нью-Йорк Дейли Трибюн*.

Отправлено с последующей оплатой по получении цены издателями.

Цены и стили различных изданий "ИСТОРИИ АНГЛИИ" ФРУДА.

Издание "Челси".

В половинке чалого, с позолоченным верхом, за набор из двенадцати томов. 12 млн. \$ 21,00

В этом издании удивительным образом сочетаются элегантность и дешевизна. Он получил свое название от места жительства мистера Фруда в Лондоне, также известного как дом Томаса Карлайла.

Популярное издание.

В ткани, по цене 1,25 доллара за том. Набор (12 томов), в аккуратной коробке. \$15.00

То же самое, в половинке теленка дополнительно 36,00

Это издание напечатано на тех же листах, что и другие издания, и на плотной белой бумаге. Это, без исключения, самый дешевый комплект книг такого класса, когда-либо выпущенный в нашей стране.

Библиотечное издание.

В двенадцати объемах. crown 8vo, ткань за 30,00 долларов Такая же, за половину икры дополнительно 50,00

Издание напечатано на плотной и тонированной бумаге издательством Riverside Press и во всех отношениях достойно места в самой тщательно отобранной библиотеке.

КОРОТКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ВЕЛИКИМ ПРЕДМЕТАМ.

Джеймса Энтона Фруда, магистра медицины,
"История Англии", "Англичане в Ирландии в восемнадцатом веке" и др.

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ. Два тома. 12mo, ткань, 1,50 доллара за том. Набор 3,00 доллара

ИЗДАНИЕ "ЧЕЛСИ". Два тома. 12 мл, наполовину чалый, с позолоченным верхом, 2,00 доллара за том. За набор 4,00

Полное собрание сочинений Джеймса Энтона Фруда, магистра медицины

ИСТОРИЯ АНГЛИИ И КРАТКИЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ.

Четырнадцать томов в аккуратной коробке.

ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ \$18.00

ВЫПУСК "ЧЕЛСИ" 25.00

Вышеуказанные работы отправляются издателями с последующей оплатой по получении цены

СКРИБНЕР, АРМСТРОНГ И КО.,

Бродвей, 654, Нью-Йорк.

Популярные и стандартные произведения

ОПУБЛИКОВАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ SCRIBNER, ARMSTRONG & CO.,

Бродвей, 654, Нью-Йорк,

В 1873 году.

1. БЕЙДЖХОТ (W.) ЛОМБАРД-СТРИТ. 12 миллионов	долларов за 1,75
2. БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ. Том II. 8во	5 00
3. " " Том. III. 8во	5 00
4. ИСХОД КУКА (Ф.К.). 8во	1 50
5. DIEULAFAIT'S (L.) БРИЛЛИАНТЫ И ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ. <i>Иллюстрированный. 12:00</i>	2 00
6. ДОДЖ (МИССИС МЭРИ МЭЙПС) Ханса БРИНКЕРА. <i>Иллюстрированный. 12</i> <i>утра.</i>	1 50
7. ИНДИЙСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ФИЛДСА (Т. У.). 8во	5 00
8. ФИШЕР (ДОКТОР Г. П.) ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ. 8во	3 00
9. ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ГИЙО (проф. А.). Большой 4 к	2 25
10. ХОЛЛ (Ф.) СОВРЕМЕННЫЙ АНГЛИЙСКИЙ. 12мо	2 50
11. " " ФАЛЬШИВАЯ ФИЛОЛОГИЯ. 12мо, доски	1 25
12. КНИГА ХОЛЛАНДА (ДОКТОРА Дж. Дж. Дж.) АРТУРА БОННИКАСЛА. <i>Иллюстрированная. 12мо</i>	1 75
13. ХОПКИНС (доктор М.) ОБЩЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА. 12мо	1 75
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ.	
Каждый по 1 т. 12мо ткань	1 50
14. Центральная Африка. 15. Сиам, каким он был и есть.	
БИБЛИОТЕКА ИЗБРАННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:	
16. Семья бургомистра. 8во. Ткань, 1,50 доллара; бумага,	1,00
17. Странствующий Вилли. 8во. Бумага	50
18. Галама. 8во. Ткань, 1,25 доллара; бумага	75
19. Мая. Миссис Олифант. 8в. Ткань, 1,50 доллара; бумага	1 00
20. ЛИНДОНС ОКСЛИ. Роман. 12мо	1 50
21. МЕДХЕРСТ (У. Х.) ИНОСТРАНЦ В ДАЛЕКОМ КИТАЕ. 12мо	1 50
22. ПЕРРИ (проф. А. Л.) ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ. 11-е исправленное <i>издание. Корона 8во</i>	2 50
23. РАССКАЗЫ САКСЕНХОЛЬМА. 12мо, позолоченный, 1,75 доллара; простой	1 50
24. КНИГА СТЭНЛИ "МОЙ КАЛУЛУ". <i>Иллюстрированная. 12 утра</i>	2 00
25. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ УБЕРВЕГА (проф. Ф.). Том II. 8во	4 00
26. ВЕРН (ЖЮЛЬ) "С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ". <i>Иллюстрированный. Корона 8во</i>	3 00
27. ПУТЕШЕСТВИЕ ЖЮЛЯ ВЕРНА К ЦЕНТРУ ЗЕМЛИ. <i>Иллюстрированный. 12</i> <i>часов</i>	2 00
28. ОЧЕНЬ МОЛОДАЯ ПАРА (А). 12мо	1 25

*** Любой из указанных выше книг, присланных постоплаты по любому адресу в момент получения цене издателями.